

ЦАРИЦА НЕЛЛИ ХЕЙЛ НОЧИ

Смерти подвластно все. Кроме любви.

Нелли Хейл
Царица ночи
Серия «Young adult. Ориджиналы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69416056

Царица ночи: Эксмо; Москва; 2023

ISBN 978-5-04-189189-3

Аннотация

Каждый год в царстве мертвых проходит бал Любви. Его гости – души людей всех народов и времен, чья любовь оказалась сильнее смерти. Его хозяйка одинока, поэтому балу нужен хозяин. Им, по сложившейся традиции, становится потомок божественного рода, выбранный ею среди живых.

Матвей Рокотов – молодой талантливый хирург. Он одинок, холост и всю жизнь посвятил спасению других людей, изо дня в день бросая вызов смерти. Пока она сама не приходит к нему, приглашая сопроводить ее на бал взамен на исполнение заветного желания.

Этот вечер изменит их обоих. Матвей вновь поверит, что способен любить, а сердце Смерти снова начнет биться. Ведь любовь побеждает все. Или все-таки нет?

«Царица ночи» – роман от талантливого автора Нелли Хейл. Здесь оммаж на великое творение Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» и признание в любви к пейрингу Кайло Рен +

Рей из новой трилогии «Звездных войн», поданное отчасти в славянском, отчасти в современном московском сеттинге. Таинство великой любви, что может победить даже смерть, бал черной луны и откровения, сказанные шепотом для царицы ночи – все можно будет найти в этой прекрасной книге!

Содержание

Пролог	6
Давным-давно	7
Настоящее время	102
Глава 1	102
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Нелли Хейл

Царица ночи

© Хейл Н., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Пролог

Этой деревни не было ни на одной из известных карт Древней Руси. А те, кто помнил ее название, не произносили его вслух, опасаясь гнева богов.

Капище, где некогда, подобно непоколебимым грозным стражам, стояли идолы, лишилось своих почитателей, а затем и вовсе ушло под речную воду. Исчезли сторожевые башни и ворота, рассыпались в пыль опустевшие избы, стерев все следы жизни, заглушая отголоски былых радостей и горя. Трещины от ударов молний, бежавшие по дорогам, ветры занесли песком. А сухие лепестки сереборинника¹, некогда ставшие свидетелями прекрасной любви, были навеки похоронены под жесткими еловыми корнями. Густой и мрачный лес, возникший на месте деревни, долгое время считался проклятым местом, обителью ведьм и мар², и лишь посланники новой веры развеяли этот миф. Сейчас и от леса не осталось следа.

¹ Сереборинник – так в Древней Руси называли шиповник.

² Мары – низшие божества славянской мифологии, призраки, духи.

Давным-давно

Из-за плотных белых облаков выглянуло весеннее солнце, словно ему, как и другим жителям деревни, не терпелось услышать новости. Несмотря на теплый ветер со стороны реки, Фая ежилась, крепче прижимая к груди платок. Ее глаза не отрывались от дальнего конца пыльной дороги, по которой утром мужчины ушли на совет. Всего несколько часов назад гонец принес весть, что к границе княжества, на которой и располагалась деревня, приближалось войско кочевников, известных своей невиданной жестокостью и свирепостью в битвах. Прошло несколько лет с тех пор, как воинам Древней Руси приходилось отражать их атаки, и до сих пор они не решались двигаться на север.

Мальчишки, пытавшиеся подслушать, вернулись домой понурые, потирая ушибленные затылки. Фая очень жалела, что волшебные зеркальца из бабушкиных сказок, позволяющие героям общаться даже в разлуке, не существовали на самом деле. Она бы многое отдала, чтобы узнать, что сейчас делает один юноша. Но даже бабушкино гадание сейчас было бессильно.

– Как ни спроси, битва грядет страшная, – задумчиво ворчала Марфа, перемешивая на столе кусочки костей с вырезанными на них символами. – Вижу, что исход решит поединок. Смерть готова к встрече... А больше и ничего. Руны

больше не хотят говорить. Попробую еще раз позже.

Но и позже их ответ не изменился. Игнорируя расспросы и мольбы внучки, Марфа спрятала кости в мешочек, а его завязала за пояс. С тех пор желание Фаи стащить его и выбросить в реку лишь усилилось.

– Работать на сегодня закончила? – окликнула ее Марфа, выйдя на крыльцо. – Али курятник сам себя подмел? Оттого, что ты стоишь у забора как вкопанная, время не побежит быстрее. Фаина, ты слышишь меня? – сказала она уже настойчивее, не получив ответа.

В своей ворчливой манере бабушка пыталась отвлечь Фаю от тревоги, но заниматься привычными делами не поднимались руки. Сердце то принималось стучать так, что было тяжело дышать, то замедлялось в страхе перед неизвестностью. Пока она снова не увидит Матвея, вся деревня могла погрязнуть в перьях и помете. Прикусив язык, чтобы не сказать этого вслух, Фая вздохнула и направилась к курятнику, завязывая платок узлом на груди.

Марфа тем временем вернулась в избу, насупив брови и чувствуя, как горят на поясе руны. Со дна большого сундука, где хранили чистое белье, она вытащила другой, поменьше, и поставила его на лавку. Она была не в силах сдержать дрожь, когда сняла с шеи ключ и вставила его в замок, и пальцы свободной руки сами потянулись к потускневшей от времени луннице³ на шее.

³ Лунница – металлическое украшение в виде полумесяца.

От отца-волхва ей достались пожелтевшие гадательные кости, никогда не утаивавшие правду, и несколько драгоценных свитков бересты с молитвами, описаниями целебных трав и ритуалов, а также историями о богах и чудесах, которые те творили для смертных. Один из них не видела ни одна живая душа, кроме нее, и обращаться к нему наказали только в тот момент, когда другого пути к спасению от беды не оставалось.

И Марфа понимала, что время пришло. Еще никогда она не испытывала столь ужасного чувства беспомощности, как сегодня во время гадания. Тревога, страх и гнев стоявшей рядом Фаины передались и ей, и когда после нескольких бесплодных попыток она получила ответ, то сразу заговорила вслух, не желая медлить. И самое страшное было произнесено и услышано.

За долгую жизнь в деревне Марфе пришлось пройти и через засухи, и неурожай, и нападения соседних поселений, с которыми теперь был заключен мир. Ей случалось получать от рун ответы, которых она совсем не желала. Но могла ли она представить, что Фаина, которой до сих пор не сулили ничего, кроме счастья, вместе с ними была обречена на столь страшное будущее? Словно сами боги не сразу смогли увидеть ее судьбу, а после ужаснулись.

То, что предначертано, было сложно изменить, но она все же хотела попытаться.

Самый маленький хрупкий свиток, перевязанный верев-

кой с крепким узлом еще до рождения Марфы, всегда был холоднее льда. Однако сейчас узел был развязан, словно написанное внутри само желало быть прочитанным. Ей потребовалось совсем немного времени, чтобы разобраться в старых молитвах, и тогда, попросив прощения у отца, она встала и проковыляла к печи. Золу выгребли еще вчера, чтобы они с Фаей могли помыться, но на глине все равно оставались черные следы копоти. Береста на их фоне выглядела белой как снег.

Не отрывая глаз от свитка, Марфа прочитала несколько многословных молитв, обращенных к богу Перуну, сильнейшему из всех, покровителю жизни в подлунном мире. Облегчением ей служила мысль, что она ни разу не оскорбила его непочтительностью или грубостью, как и оказавшаяся под ее опекой девочка. Марфа не была Фаине родней по крови, но по-своему дорожила ею и не могла обречь на вечные муки.

Закончив молитву, она окружила бересту стебельками полыни и боярышника, не без радости вспомнив, что темные силы не переносят их запаха, и подожгла. Вспыхнувшие рыжим языки пламени тут же окрасились в кроваво-красный, и пожираемый ими свиток почернел и съежился.

«И пусть мое дитя получит все, чего заслуживает», – подумала напоследок Марфа.

Пламя на мгновение вспыхнуло, словно в ответ, и погасло, не оставив даже искры. Береста с описанием древнего ритуала рассыпалась черной блестящей пылью, при виде которой

с плеч Марфы словно сняли тяжелую ношу. Она сгребла пепел в мешок, добавила туда сухого чертополоха и поспешила наружу, закопать его у корней березы и молить светлые силы, которые та олицетворяла, о спасении для них всех.

Когда Марфа закрывала дверь, в сени незаметно проник сквозняк. Бесшумный, словно ядовитая змея, он коснулся маленького сундука, который она оставила незапертым, и проник в замочную скважину. Изнутри раздался шорох – словно кто-то невидимый развернул свитки. Или положил новый.

Ближе к вечеру по деревне пронесся слух: кочевники окажутся здесь утром через три дня – слишком скоро, чтобы на выручку поспела княжеская дружина, зато соседние поселения обещали помощь. Возглавит оборону старый воевода Борис Рокотов; а если силы окажутся равны и перед битвой будет решено устроить поединок, все его племянники вызовутся добровольцами. Последнее известие ни для кого не стало неожиданностью, но в глазах Фаи на мгновение потемнело, и она крепче сжала в кулаке кончики платка, не обращая внимания на царапавшую кожу жесткую шерсть.

Отдать жизнь в битве, чтобы защитить свою землю и семью, всегда считалось в этих землях почетным. Как и совершение боевых подвигов во имя богов, что сотворили для людей целый мир столетия назад и продолжали управлять им до сих пор, милостиво принимая подношения в свою честь. О величии жертв во имя победы с именем Перуна на устах

слагали песни и легенды, место которым было на капище и во время боевых ритуалов. Но все это вовсе не значило, что отпускать мужчин на войну было легко.

Матвей пришел, когда переполошенные жители разошлись по домам. По отцовской линии он унаследовал высокий рост и крепкие плечи, от матери – карие глаза, по цвету напоминавшие мед. В его густых темных волосах удивительно хорошо смотрелись луговые незабудки, но об этом не было известно ни одной живой душе, кроме него и Фаи. Она взяла его за руку и повела к их излюбленному месту – мимо ромашек, лилий-саранок и васильков к заменяющему скамейку стволу дерева у зарослей шиповника. Они были достаточно густы, чтобы спрятаться от посторонних глаз. Фая ухаживала за садом сама и очень им гордилась. Матвей посадил девушку рядом с собой и поцеловал в лоб, перебирая пальцами каштановые пряди толстой косы. Фая опустила голову ему на плечо и прикрыла глаза, хотя бы на несколько мгновений позволив себе спрятаться от остального мира, желающего забрать его у нее.

– Я посвящу победу тебе, душа моя, – сказал Матвей с улыбкой. Его голос был низким, как у дяди; ходили легенды, что прозвище Рокотов их предкам дали как раз из-за него. – Заявлю об этом во всеуслышание. Глядишь, и братья на радостях найдут себе невест, и сразу сыграем свадьбу.

– Жаль, что они не сделали этого раньше, – прошептала Фая, не открывая глаз. Его слова были прекрасны, и не было

ничего хуже, чем думать о том, что они никогда не станут явью.

Братьев у него было два, и, будучи младшим, Матвей не мог объявить о помолвке раньше них. Судя по тому, как смотрела на Фаю его родня, они надеялись, что однажды он передумает и выберет более подходящую невесту. Рокотовы жили в соседней деревне, но после пожара этой весной, который оставил их без дома и главы семьи, все перебрались к Борису. У того имелись большая изба и просторный двор, где держали коров, стадо овец и десяток свиней. У Фаи же не было ни отца, ни матери, которые оставили бы приданое, а Марфа жила скромно. Мяса, молока и шерсти у них никогда не бывало слишком много.

Была и еще одна причина, почему семья Матвея не проявляла к их союзу благосклонности. Бездетной Фае минуло восемнадцать, и она пересекла опасную черту, после которой девушка теряла надежду выйти замуж, уступая более юным невестам. В детстве Марфа нагадала ей обрести великое, невероятное счастье, но годы шли, а Фаю оставалась одинока. Было очевидно, что боги сыграли с ней злую шутку. Горечь, которую она чувствовала поначалу, со временем исчезла, оставив после себя смирение. Ее бабушка была одинока и являлась живым доказательством того, что, вопреки всем унижительным прозвищам и пословицам, жизнь без брака могла быть вполне сносной – если не лениться и правильно вести хозяйство. По крайней мере, Фае не было уго-

товано жить с уродливым стариком или любителем поколачивать жен. Под строгим надзором Марфы она научилась всему, что должна была знать женщина, не имея поддержки мужа, и в ее речах не было робости, которую могли ожидать от сироты суровые свахи и сваты. Дважды переговоры о помолвке закончились ничем, получившие отказ юноши в один миг забыли о ее существовании. И быстро нашли себе других жен, одна из которых уже была беременна.

Вот же гордячка! А ведь была бы недурна, шептались старухи, имея в виду румянец и зеленые глаза девушки, если бы пополнила и избавилась от веснушек на лице. Их не могла вывести даже сильнодействующая мазь из сорочьих яиц. То была верная примета, что совесть у нее нечиста, а в душе есть место недоброму лукавству. Однако девятнадцатилетний юноша из семейства Рокотовых в такие вещи явно не верил. Батюшка, как-то раз обронил он, встречал в своих путешествиях много хороших людей, которые делили с ним пищу и кров и ни разу не пытались обокрасть. У некоторых были веснушки. Нельзя по ним судить о душе человека.

Матвей провел костяшками пальцев по шее Фаи над воротом рубахи, заставляя затаить дыхание. Никому в деревне не удавалось победить его в кулачных боях, но, касаясь ее, он всегда был ласков. Рассказы других девушек нередко изобиловали грубыми подробностями близости с мужчинами, ее собственный краткий опыт оказался не менее болезненным, и Фая была счастлива узнать, что бывает и по-другому. Обе-

щание большего в его глазах и поцелуях делало ожидание свадьбы более сносным.

– Не все такие счастливики, как я. Я понял, что принадлежу тебе, в тот же миг, как впервые увидел.

– И ушел, ничего не сказав, – пожурела она его в который раз за последние месяцы.

– Ты спросила бы, отчего я стою и смотрю, как ты танцуешь, а я бы и не вымолвил ни слова. Никогда такого не бывало, что я не мог разгадать собственное сердце. А оно уже было в твоих руках. – Его обычно спокойный голос дрогнул. – В ночь Ивана Купалы я уже знал, что ты станешь моей женой. Единственной женой, других мне не надо. Как же ты была красива в лунном свете.

Фая крепко зажмурилась, не позволяя себе заглянуть ему в глаза, – обычно они говорили куда красноречивее слов, и тогда она бы точно не сдержала слез. Только он звал ее неполным именем, и оно всегда звучало ласково, заменяя собой все нежные слова.

– Знаешь, я ведь сегодня видел сон.

– Какой же? Хороший? – с надеждой спросила она.

– Конечно. Там была ты. И дом, в котором мы будем жить.

Отец Матвея был купцом и в детстве много рассказывал ему о диковинных орнаментах, которые ему удалось увидеть в дальних землях. Он был уверен, что сможет повторить их собственными руками, хотя порой невообразимые по красоте описания напоминали Фая сказки. Думал Матвей и о том,

что однажды сам станет купцом, а поскольку расставаться с женой он не имел ни малейшего желания, то они уедут из деревни вместе – вот же неслыханно! – и отправятся в путешествие. За море, где есть роскошные дворцы, чьи крыши касаются облаков, и сады прекраснее, чем в любых легендах. Оттуда они привезут мягкие перины, шелк и фруктовые деревья, и цветы для сада Фаи. Их жилище будет самым красивым во всей деревне. Место на дворе Рокотовых, где к избе могла быть пристроена клеть⁴ для молодой семьи, будущий муж уже присмотрел.

Фая знала, что последует за Матвеем куда угодно, – ее счастье было заключено в нем одном, и неважно, где они окажутся. Сейчас она была готова пожертвовать всеми дворцами на свете, лишь бы приближающиеся кочевники рассыпались в прах.

– Уж лучше бы сегодняшней день был сном, – глухо ответила она. – Матвей, правда ли, что сказывают... что *они* рубят врагам головы, а потом пируют их останками, что вороны? И делают себе из костей княжеские венцы? Сжигают дома и поля на потеху своим проклятым черным богам?

Матвей отпустил ее волосы и взял за руку, поглаживая маленькую ладонь.

– Не смешивай сказки и явь, – уклончиво ответил он. – Я тоже целюсь в голову, ибо тогда смерть наступает наверняка.

⁴ Клеть – в древности – отдельная пристройка к избе, где обычно селились новые члены семьи.

Мой дядя уже сражался с ними раньше и знает, чего ждать. Они еще пожалеют, что решили напасть на нас.

Фая вспомнила, что сказали бабушке сегодня руны, и по ее телу пробежала дрожь.

– Ты можешь выйти на поединок, – что значило страшную смерть в случае его поражения и – почти наверняка – в случае победы: он должен был продолжать битву ослабевшим.

– Да, коли так укажет жребий. Но не забывай, я учился драться на мечах с семи лет.

Его голос был совершенно спокоен, будто Матвей не чувствовал страха. Но по едва заметной дрожи в пальцах, по тому, как он прижал ее к себе еще крепче, Фая понимала, чего он боится – прежде всего того, что не сможет защитить будущее, которого они так ждали. Она ответила тихой лаской, запуская руку в его волосы и поглаживая густые пряди, пока его плечи не расслабились. Матвей был куда выше и сильнее, и то, как легко он покорялся ей, заставляло ее сердце трепетать подобно пойманной в силки птице.

– Побудь со мной, мой свет. Хотя бы до заката, – попросила она, мягко целуя его в губы. Ее бабушка ушла к соседке, чтобы помочь с отелившейся коровой, и долго еще не вернется.

Матвей кивнул. Улегшись на бок, он положил голову ей на колени и закрыл глаза, улыбнувшись сквозь бороду, когда она снова коснулась его волос. Он часто звал ее красавицей, но и Фая подолгу любовалась его лицом в те моменты, кото-

рые им удавалось провести наедине.

Как только соседки могли говорить, что, в отличие от братьев, он был не так уж хорош собой? Ни у одного из их женихов не было таких густых ресниц и мягких губ. Резкость его черт уравновешивалась теплым цветом глаз. Лицо его, над которым потешалась одна девица, пока не получила от Фаи оплеуху, было благородным и честным. Фая порой шутила, как пошел бы Матвею княжеский венец; в ее воображении князя выглядели именно так.

Над их головами кружили первые пестрые бабочки. Вдалеке из чащи леса вынырнул и метнулся обратно вниз ястреб. Ничто не нарушало окружавшую их тишину; даже птицы, казалось, решили нарушить свои привычки и не прилетать сегодня вечером в сад. Чем дольше Фая смотрела на умиротворенное лицо Матвея, тем крепче становилась ее решимость. Она не отдаст свое счастье на милость жребия.

* * *

До той памятной ночи Ивана Купалы Фая изредка видела его в деревне. Матвей работал много, но тихо, редко подпевая другим мужчинам, если они заводили песни. Он вообще не отличался разговорчивостью; его братья шутили, что его мысли с детства были заняты резьбой по дереву, а теперь их матушка захотела украсить терем деверя в знак признательности за гостеприимство и поручила это младшему сы-

ну. Некоторые соседи, у кого были на выданье дочери, разом захотели попросить у него совета, но время шло, а невесту юноша себе так и не выбрал. Другие Рокотовы тоже с этим не спешили, но если их часто видели с разными девушками на реке и в поле, то Матвея Фая встречала выходящим из леса, с топором на поясе и срубленными деревцами на плечах; что-то шло на дрова и веники для бани, а из остатков он мастерил игрушки для детей и посуду. Ножик в его сильных руках казался крохотным, и все диву давались тому, до чего ловко он с ним управляется. Он притягивал взгляд Фаи, куда бы та ни пошла, но любовалась она на него украдкой, не желая слышать насмешки от более удачливых в сердечных делах девушек.

Перемолвиться с Матвеем словом ей довелось в начале лета. Выйдя как-то утром из курятника, она с удивлением обнаружила на дороге соседских детей. Одни задорно улыбались и хихикали, другие стирали со щек следы слез. Некоторые держали в руках жмурившихся на солнце котят. А в центре необычной группы, как медведь в окружении зайцев, стоял, переминаясь с ноги на ногу, Матвей. Рукав его рубашки был порван и испачкан кровью.

– Фаина, Фаина! – заголосили дети, едва ее увидев. Некоторых она нянчила еще младенцами, получая за это от их родителей отрезки ткани для игрушек, шерсть и еду. Теперь они прибегали к ней за яблоками и цветами для своих игр. – Что тут случилось, ты не поверишь!

– Что с вами приключилось? – удивленно воскликнула Фая, стяхивая с юбки перья.

Дети громко заговорили все разом, но она смогла уловить суть. Они убегали от собак, ускользнувших со двора местного рыбака, когда на помощь им пришел возвращавшийся из леса Матвей. Он отогнал свору и помог снять с деревьев испуганных котят. А затем, возбужденно добавил мальчик с самым крупным котенком на руках, подрался с хозяином своры, который явился посмотреть на переполох и, по своему обыкновению, был зол на весь мир. Не подраться было нельзя, подхватила девочка, – он угрожал скормить собакам их всех, а заодно и Фаю, которую назвал... а это и повторять не стоит, торопливо добавил другой мальчик, покосившись на Матвея. Тот одобрительно кивнул.

Фая устало прикрыла глаза. В прошлом году Марфа отказалась обсуждать помолвку с этим самым рыбаком, памятуя старую обиду, и тот пустил слух, что Фая была ведьмой. Лишь когда в ночь Ивана Купалы она перепрыгнула через священный костер и осталась невредима, люди окончательно поверили, что в нем говорит оскорбленная гордость. К его проклятиям в ее адрес давно уже привыкли.

И мальчики, и девочки тем временем благодарили Матвея, восхищаясь его ростом, силой и храбростью. Сразу несколько рук обняли его за ноги, кто-то уговаривал котенка лизнуть его руку, и Фая, к своему изумлению, заметила, что щеки юноши порозовели. Мускулы у него были что камень,

а вот сердце оказалось нежным.

– Пальцами пошевелить можешь? Выглядит скверно, – нахмурилась она, указывая на глубокие царапины на его руках. – Это сделал он или собаки?

Имя рыбака вслух она произносить не желала. Матвей согнул и разогнул пальцы, даже не поморщившись от боли.

– Он и драться-то не умеет. Собаки только пару раз прикусили. – Он пожал плечами, не желая пугать стоявших рядом детей. – А вот *они*, – кивок в сторону котят, – явно не собирались сдаваться без боя. Чую, через пару лет можно будет брать их на медвежью охоту.

Дети довольно захихикали. Фая покачала головой, пряча улыбку.

– Беды бы тебе не было после такого боя. Соседка говорила, кошка так оцарапать может, что рука опухнет, будто дубина. Пойдем-ка, коли мастерство свое потерять не хочешь.

Оставив детей спорить, кто уложит котят спать в колыбель, Фая подвела Матвея к бочке с едва теплой дождевой водой. Набрала в ведро и помогла ему смыть с рук кровь. Затем, поколебавшись мгновение, предложила мазь, которой бабушка лечила ее царапины. В конце концов, не гонять же Матвея на другой конец деревни к знахарю, который мог и уйти по своим делам.

Матвей последовал за ней в избу, сгорбившись, чтобы не задеть головой низкий потолок. Когда он сел за стол, подставив ей руки, горница стала казаться Фаяе еще меньше, но его

присутствие не было подавляющим и не вызвало у нее тревоги. Пару лет назад они с Марфой наконец-то раздобыли бычий пузырь, чтобы натянуть на окна, но света в хижине все равно было мало. Она зажгла лучину и принесла горшочек с мазью, а затем села рядом с Матвеем.

– Я дам тебе немного с собой. Наноси на рассвете и на закате, и скоро боль должна исчезнуть, – сообщила она, осматривая побагровевшую кожу на его костяшках и царапины по вышше запястья. – А пока побереги себя от драк. Я знаю того рыбака, он от тебя не отступит.

– Не тревожься, Фаина, – отозвался Матвей, помедлив перед тем, как произнести ее имя, словно собираясь с духом. Затем его голос посуровел: – Он отступит, если не захочет, чтобы его поганый язык скормили его же собакам. И знай, что ты больше не услышишь от него ни одного грубого слова.

Фая почувствовала, как к щекам приливает жар. Никто никогда не дрался, чтобы защитить ее честь; в детстве она и сама могла пустить в ход кулаки и метлу, если кто-то говорил плохо об их с Марфой жилище. Совладав с волнением, она ответила, на мгновение подняв взгляд:

– Спасибо.

Ее мозолистые пальцы снова коснулись его рук, мягко втирая мазь. Матвей тихо вздохнул, не сводя глаз с ее сосредоточенного лица. Не так он представлял себе их первый разговор наедине. А думал он о нем уже несколько дней – с того раннего утра, когда увидел Фаю на лесной поляне.

Она собирала цветы, двигаясь в солнечном свете, будто танцуя под слышимую ей одной мелодию. Движения ее были легкими и тихими, стан – гибким, и на какой-то миг ему показалось, что перед ним не просто деревенская девушка, но сам дух лета – необыкновенная красавица, чья улыбка озаряла все вокруг. Конечно, он много раз проходил мимо маленькой избы, видел подопечную сварливой Марфы в поле и у реки, но как так вышло, что лишь сейчас он по-настоящему разглядел ее?

Матвей успел сделать крохотный шаг в сторону поляны, прежде чем царивший вокруг покой нарушил тонкий птичий щебет. Внутри него что-то как будто оборвалось: на память пришли старые насмешки его братьев, снисходительные взгляды на праздниках и смех. Он ушел, так и не обнаружив себя, но с того дня Фая не покидала его мыслей.

Не составило труда узнать, что у нее не было ни мужей, ни жениха или поклонников, и тогда в его сердце появилась надежда. Сейчас мягкие прикосновения и румянец на щеках девушки укрепили его уверенность. Он позволил себе любоваться ее тонкими чертами, не обращая внимания на жжение мази, и, когда она закончила и потянулась за полотенцем, спросил, не сдержав себя:

– Как мне отблагодарить тебя, красавица?

Фая застыла, не привыкнув слышать такое обращение в свой адрес, сказанное искренне. Веснушек у нее было не так уж и много, но забыть о них ей не позволяли с самого дет-

ства.

Матвей тем временем ожидал ответа, склонив голову набок. Улыбка у него была добрая, под стать взгляду, и он смотрел на нее несколько долгих мгновений.

– Ничего не надо, – отмахнулась Фая, снова смущаясь. Она и без того позволила себе не спешить, когда наносила мазь и шептала молитвы, призывающие скорее исцелить Матвея и простить ему все прегрешения – если таковые были. Оказывается, прикоснуться к чужим рукам могло быть очень приятно. – Это я должна благодарить тебя.

– Чепуха – я сделал то, что было правильно. – Он оглянулся по сторонам, рассматривая маленькую горницу. – Позволь хоть дров наколоть. Или принести воды.

– Дров я наколола достаточно, да и воды у нас хватает, – ответила Фая, чувствуя на себе его пристальный взгляд. Она давно не говорила наедине с мужчиной, но так, как Матвей, на нее определенно не действовал никто. Под кожей как будто вспыхнул огонь, а в горле вдруг пересохло. Она взяла кувшин и выпила немного воды.

– Тогда прошу, прими вот это. – Матвей осторожно вытащил из сумы на поясе маленького деревянного конька и поставил на стол. – Пусть он защищает тебя от всех бед.

Фая взяла его обеими руками, рассматривая аккуратные ушки и вырезанные по бокам цветочные узоры. Таких оберегов она еще не видела.

– Это что, сереборинник?

– Да. На самом деле, – признался Матвей, – меня вдохновляют цветы, что ты посадила под окнами.

– Ты настоящий мастер, – откликнулась она, позволив себе быстрый взгляд в его сторону. – Спасибо за твою доброту. Ты что же, был учеником волхва, раз уверен, что он меня защитит?

– Помог как-то раз старцу, когда тот заплутал в лесу, – объяснил он, довольный, что ей понравился подарок. – А он в благодарность открыл мне секрет этого оберега.

– И научил тебя резьбе?

– Нет. – Его голос смягчился, став почти грустным. – Меня учил мой батюшка. Он и сейчас направляет мою руку, а во сне дает советы. Братья мне никогда не верят – считают, у него на небе есть более важные дела.

Фаю кольнула зависть. Своих родителей она не помнила, даже не могла сказать, от кого из двоих ей достались веснушки. Тонко плачет женский голос, кричит мужской, громко и грубо. Отцовская ладонь с силой толкает ее в спину, прямым под ноги незнакомой тогда Марфы, со словами: «*Плата за ночлег. Мне пора в путь*». Вот и все воспоминания. Даже во снах родители к ней не приходили. Иногда Фая сомневалась, были бы они рады, узнав, что в доме Марфы, пусть и не всегда ласковой, она никогда не чувствовала себя рабыней.

Матвей нахмурился, наблюдая за ее лицом, и девушка поспешила ответить:

– Что ж, раз ты и правда так хорош, твой путь лежит прямо

к княжескому двору. Сотворишь там чудеса заморским купцам на зависть и семье на радость. Глядишь, и за меня получится замолвить слово, – неловко пошутила она, коснувшись ожерелья из кусочков разноцветного дерева на шее.

Тут дверь открылась, и в хижину вошла Марфа, застыв в удивлении при виде гостя. Выслушав объяснение Фаи, она похвалила ее за находчивость и предложила Матвею остаться на скромный обед из каши и вяленого мяса, который он, немедленно согласившись, не переставал нахваливать. После Матвей еще раз поблагодарил ее за доброту и ушел. Фая начала убирать со стола и только тогда вспомнила, что не отдала ему мазь.

Она выбежала из избы. Услышав свое имя, юноша тут же вернулся к калитке и принял из ее рук завернутый в полотенце горшочек.

– Спасибо, Фаина. – Он улыбнулся, опустив взгляд себе под ноги, и вдруг сказал: – Вообще-то есть еще одна вещь, которую я хотел у тебя попросить.

– И что же? – Фая не скрывала любопытства в голосе. Неужто он говорит о свидании? Или... поцелуе?

– Цветок.

Он кивнул в сторону кустов сереборинника, посаженных в глубине. Фая очень дорожила ими и редко срывала цветы, но не нашла в себе силы отказать в просьбе Матвею. В его руке недавно раскрывшийся бутон с алыми лепестками казался маленьким и хрупким, и он держал его бережно.

– Просто цветок? – уточнила она, не понимая, чувствует ли облегчение или разочарование. – И для чего он тебе, Матвей? Куст из него будет расти долго.

– Я знаю. Я просто никогда не думал, что смогу однажды встретить такую красоту, – ответил Матвей, снова глядя на нее тем же пристальным взглядом. – Хочу всегда знать, что это был не сон.

Он говорил совсем не о цветке.

Сердце Фаи стучало так быстро, что она не решилась ответить вслух, боясь, что будет дрожать голос. К счастью, юноша, похоже, спешил и потому попрощался, удовлетворившись ее благодарной улыбкой. Остаток дня Фаю переполняло странное, ни на что не похожее волнение. Той же ночью она положила под подушку деревянного конька и совсем не удивилась, когда встретила Матвея во сне. То был очень хороший сон – они оказались вместе на берегу реки под ярким солнцем, и Фае было хорошо и спокойно. Но вот что случилось дальше, утром она вспомнить не смогла.

Наяву она думала о нем все чаще, разрываясь между противоположными чувствами. Невозможно было сдержать улыбку и успокоить сердце, стоило ненароком поймать его взгляд. В то же время она помнила, что в деревне хватало девушек куда моложе и красивее. Возможно, кто-то из них ему уже приглянулся, и в ночь Ивана Купалы они будут танцевать вместе и совершат брачный обряд. При этой мысли внутри у Фаи все холодело, и она усилием воли заставляла

себя сосредоточиться на вышивке цветов на сарафане для грядущего праздника, поглядывая на принесенный из леса букет.

Если уж уготована жизнь в одиночестве, с горечью думала она, у нее останутся на память его оберег и улыбка, с которой он, сидя так близко, смотрел на нее и на эти цветы. Тем солнечным утром, когда она их собирала, было легко представить тихий лес ее княжеством, а себя – княгиней, за которой наблюдает суженый.

– Хочешь, погадаю для тебя на рунах? – предложила Марфа. От нее не укрылись ни взгляды, которые бросал на девушку Матвей во время обеда, ни то, как усердно она старалась не смотреть на него. Предсказание наконец-то сбывалось, в этом она была уверена. Однако Фая отказалась, не желая услышать подтверждение своим страхам.

Она не могла знать, что Матвей дожидался той же ночи с большим нетерпением. Он жалел, что не был здесь в Карачун⁵, когда мужчины могли предъявить права на понравившихся красавиц в ритуальных играх и понять, взаимны ли их чувства. Ведь в ночь Купалы первыми свои намерения выражали именно девушки. Тем сильнее было удивление Фаи, когда на празднике у берега реки юноша из ее снов и мыслей не сводил с нее внимательного взгляда, словно надеялся заглянуть в самую душу, – а она была не в силах отвернуться,

⁵ Карачун – по мнению некоторых исследователей, в славянской мифологии так назывался зимний солнцеворот и связанный с ним праздник.

пока он не встал рядом с ней у костра. От него пахло еловой смолой и травами.

– Здравствуй, Фаина.

То, как преобразилось его лицо в тот момент, как нежно звучал голос, заворожило Фаю. Их двоих словно окутали чары, против которых были бессильны любые страхи и сомнения. И когда они взялись за руки, внутри девушки расцвело тепло, и сердцу пришлось биться чаще, чтобы справиться с ним.

Танцы сменились широким хороводом вокруг огня. Под бой барабанов и звон бубнов деревенские жители пели и смеялись, ускоряя шаг в такт одобрительным крикам и взмахивая соединенными руками. Для каждого бога из пантеона была заготовлена своя песня, прославляющая его силу, могущество и милосердие, без которых не было бы ни земли, ни неба, ни солнца или луны. В воздухе смешивались запахи сурьи⁶, пота, горящих поленьев и речной воды, перед глазами плясали рыжие языки огня, но сильнее всего Фая ощущала крепкую хватку Матвея на своей ладони. Его улыбка, когда он смотрел на нее, становилась все ласковее, и пусть они не произнесли ни слова, это было и не нужно. В ту ночь Фая узнала, как много можно сказать взглядом, и, когда музыка смолкла и Матвей отпустил ее, почувствовала разочарование.

Не раздумывая, она впервые за много лет присоединилась

⁶ Сурья – славянский сакральный напиток, готовился на основе меда и молока.

к группе девушек, готовившихся к следующему ритуалу – выбору суженого. Многие хихикали, не ожидая увидеть в ней соперницу за желанное сердце. Матвей встал напротив, в одном ряду с другими женихами, и Фая услышала, как залюлюкали его братья. Когда девушки побежали вперед, она могла лишь надеяться, что, пусть его плеч коснулись другие руки, он все же выберет ее.

После этого, переполненная возбуждением и восторгом, она бросилась в лес. Вокруг слышались девичий визг и смех, то и дело раздавался торжествующий мужской возглас, когда невеста была поймана. Холодная трава хлестала по ногам, ноги вязли во влажной земле, а света луны едва хватало, чтобы видеть очертания деревьев и растений. Огибая кусты, она ловко перепрыгнула через муравейник и выругалась, когда юбка зацепилась за колючки, едва не повалив ее на землю. Фая быстро огляделась по сторонам. В ушах шумела кровь, а сердце стучало о ребра так, словно было готово выскочить из груди.

– Кажется, я опоздал, – произнес хриплый голос.

Она вздрогнула и обернулась. Матвей стоял за ее спиной, держа в руке венок из сереборинника и дубовых веточек, который она потеряла на пути сюда. Его грудь вздымалась и опускалась, пока он пытался отдышаться.

– Тебя уже поймал лесной дух, – он кивнул на ее юбку и тихо засмеялся.

Фая снова резко дернула ткань, оставляя несколько клоч-

ков на колючках, и попятилась к залитой лунным светом поляне.

– А вот и нет. – Она не могла скрыть торжества в голосе.

Откинув со лба влажные волосы, Матвей следовал за ней. Его глаза мерцали, как угольки, и казалось, что весь остальной мир исчез, оставив их одних в серебристом сиянии. Встав почти вплотную, он откинул с ее плеча тяжелую косу и положил руку на шею, другой держа ее венки. Фая дрогнула, хотя он источал тепло подобно пламени.

– Ну, красавица, – сказал Матвей, – к княжескому двору отправимся вместе.

Ей потребовалось мгновение, чтобы понять, о чем он говорил, и тогда на ее лице появилась широкая, счастливая улыбка. Никому прежде Матвея она ее не дарила.

– Сперва поцелуй меня, друг разлюбезный, – поддразнила она. – Вдруг передумаю.

Он не мешкая притянул ее к себе, обвивая рукой талию. Они разделили один поцелуй, затем еще один и еще, обретая уверенность в себе и друг в друге, и каждый раз звезды перед ее закрывшимися глазами вспыхивали ярче. Матвей шептал ей в губы ласковые слова, смеялся, что ни за что не позволил бы ей передумать, а Фая мечтала лишь о том, чтобы им никогда не пришлось возвращаться в деревню, нарушая уединение.

Много позже по пути обратно они нашли на земле венки Матвея. Фая взяла его себе, и всем стало ясно, что они вы-

брали друг друга. А затем, не обращая внимания на изумленные возгласы вокруг, они разбежались и перепрыгнули через священный костер, держась за руки, завершая обряд. Однажды они сыграют свадьбу.

* * *

Солнце закатилось слишком скоро. Матвей ушел, на прощанье крепко поцеловав Фаю. Собственное тело казалось ей невероятно тяжелым, как после целого дня работы в поле. У нее едва хватило сил на улыбку, но ради него она постаралась выглядеть бесстрашной, ничем не выдавая своих мыслей.

Тревога, сжимавшая ее сердце железным кулаком, боролась с безумной надеждой. Чувствуя каждый шаг, Фая зашла в горницу, закрыла за собой дверь и опустилась на колени перед старым сундуком, поставив рядом горящую лучину. Она знала, что это там хранились древние свитки, семейные реликвии Марфы – старинные целебные рецепты, молитвы, сказки и описания ритуалов. Прикоснуться к некоторым из них она разрешала только в праздничные дни и с величайшей осторожностью. Другие и вовсе были для Фаи под запретом, и его нарушение сулило наказание розгами. Рука у Марфы была тяжелая, и прежде Фая не смела послушаться прямого наказа.

Обнаружив, что сундук заперт, она не сдержала раздраженного вздоха. Ключ Марфа всегда носила при себе, как ей

завещал отец. Тогда Фая взяла со стола нож и, щурясь в слабом свете, стала ковырять им в скважине. В деревне говорили, за неимением легендарной разрыв-травы он иногда мог заменить ключи. Наконец замок поддался, и Фая со стуком откинула тяжелую крышку на пол. В нос ударил странный запах пепла, и пламя лучины качнулось, едва не погаснув. Фая поежилась – казалось, окружавшая ее темнота стала холоднее и гуще и вот-вот поглотит свет.

Она неплохо умела читать и надеялась, что сможет найти что-то полезное. Идти за советом к жрецам не хотелось – они бы говорили только о том, что судьба каждого человека была предрешена и Фая следовало надеяться на благоприятный исход. Разложив перед собой на столе свитки, она с удивлением обнаружила, что один из них был холодным точно лед, а скреплявший его узел был развязан. Её-то она и решила посмотреть первым. Лист был таким тонким, что грозил разорваться при первом неосторожном движении. Развернув свиток, Фая не нашла там ни рисунков растений, ни описаний ритуальных костров. Вместо этого верхнюю часть бересты занимало изображение изогнутого моста через реку между двумя холмами. Берег одного из холмов усеивали черепа, а вместо солнца над мостом светила черная луна. Каждый ребенок знал легенду о Калиновом мосте и реке Смородине, разделявшей миры живых и мертвых, и Фая не сомневалась, что сейчас смотрела именно на них.

По спине пробежала дрожь, и она заставила себя переве-

сти взгляд ниже, на ровный чернильный полукруг. Изображения луны, серпа, козы и ворона танцевали в хороводе, а прямо по центру был выписан ровный столбик слов, которые она искала. Фая прочитала их про себя несколько раз, стараясь запомнить наизусть, а когда закрыла глаза, они вспыхнули в темноте, точно написанные огнем. Собственное дыхание в тишине горницы казалось ей оглушительным.

К тому моменту как бабушка вернулась домой, свитки уже были спрятаны в сундук, на столе догорала лучина, а Фая сидела на лавке, прижав к сердцу подарок Матвея. Пальцы, заледеневшие после прикосновения к свитку, только-только начинали оттаивать.

– Не тревожься. – Бабушка потрепала ее по плечу и подошла к печи. Подобрав юбку, медленно поднялась по ступенькам и устроилась на перине. – Завтра все соберемся на капище и вознесем молитвы богам. Уберегут они наших воинов, и Матвей невредим вернется. Недаром слухи про Рокотовых ходят, что род они ведут от самого Перуна, которому девицы в лесах частенько приглядывались. И нам с Ярой сегодня теленок будто улыбнулся – а то добрая примета, сама знаешь.

Фая крепче сжала в руке конька. Ей очень хотелось попросить у бабушки совета, но она боялась, что та может запереть ее дома до самого возвращения Матвея. Она бы ничего не поняла... сама как-то сказала, что никогда не чувствовала то, что Фая.

– Боги нам помогут. Ложись спать.

На следующий день Фая, как и все женщины в деревне, готовила подношения. Они с Марфой не смогли бы привести к жертвенному алтарю быка, как более богатые соседи, зато испекли пироги с ягодами, капустой и грибами. Их аромат должен был задобрить богов. Пока Марфа перекладывала их на чистое полотенце, Фая спустилась в погреб за вареньем и соленьями, а после сплела столько цветочных венков, на сколько хватило в саду цветов. Вместе с остальными жителями деревни она прошла от капища на берегу реки до сторожевых башен у ворот, вознося молитвы богу сражений и грома Перуну. Затем воины во главе с верховным жрецом обратились к душам почивших предков, прося помочь в завтрашней битве. Матвей шел, держа Фаю за руку, и она знала, что он думает об отце. На плечо ему на короткий миг опустился шмель, и юноша просиял, благодарный за посланный знак. Фая с нежностью сжала его пальцы и, сосредоточившись на смутном воспоминании о собственных родителях, попыталась обратиться к ним, прося защитить Матвея. Но слова не шли, а сильнее всего оказалась мрачная мысль – с чего им отвечать сейчас, если раньше не было дела до дочери? Отогнав печаль, она обратилась мыслями к ельнику в лесной чаще, куда собиралась отправиться этой ночью. К счастью, на небе будет полная луна, которая наделит ее молитвы столь необходимой силой.

Матвей помог ей с Марфой отнести дары к капищу и положить на огромный священный камень, рядом с чашами с

медом и горшками с кашей. Его белоснежная поверхность была испещрена трещинами и слабо мерцала в солнечном свете. За деревянными воротцами у подножия идолов Перуна, Велеса и Макоши уже стояли жрецы, готовившиеся разжечь костры в окружавших место рвах. Люди собирались на поляне перед капищем: юноши, мужчины и старики, готовящиеся завтра вступить в битву, их жены и дети. Ни на одежде, ни на лицах не было ни пятнышка грязи.

Взгляды были прикованы к ликам могущественных богов, высеченных на деревянных идолах, на чью помощь они сейчас уповали всей душой. Небо было ярко-голубым и безоблачным, светило солнце – добрый знак, что те были благосклонны. Теплый воздух стал густым от наполнившей поляну энергии, где смешались страх и благоговение. Фая могла почувствовать, как она проникает ей под кожу и пульсирует в жилах, подчиняя сердце своему ритму. Она знала, что и Матвей, и Марфа, и все остальные, стоя плечом к плечу, испытывают то же самое. Однако куда сильнее внутри нее было тянущее, тревожное чувство. Она потупилась, рассматривая вытопанную траву под лаптями, чтобы ненароком не выдать себя. Бабушка сказала, что битва будет страшной, а смерть уже готова к встрече. Завтра их войско станет еще больше, и никто, даже верховный жрец, не смог бы сказать, проявят ли боги одинаковую благосклонность ко всем воинам – особенно если речь идет о младших сыновьях в большой семье.

Фаю прошиб озноб, как накануне, когда она держала в руках ледяной свиток. Следующая мысль была настолько жуткой, что она едва сдержала стон: в эту самую минуту их враги точно так же молили о помощи своих демонов, которых считали равными богам. Что, если завтра высшие силы будут вести собственный бой, попросту позабыв о людях? И призовут в *свое* войско души погибших воинов? Ее уверенность в принятом накануне решении тут же возросла.

Матвей мягко толкнул ее плечом, с немым вопросом заглядывая в глаза. Она покачала головой и выпрямилась, и, хотя лицо ее было спокойно, сердце в груди металось, как обезумевший перед охотником зверек. Пульс колотился в висках, почти заглушая молитву.

По восьми сторонам света вокруг капища вспыхнули ритуальные огни, выбрасывая снопы искр. Вслед за ними вместе со жрецами десятки голосов запели священную песню, вознося ее высоко к небесному царству Перуна.

* * *

После гадания на потрохах черного петуха, возвестившего о победе над вражеским войском, на капище было шумно и весело. Воины разделили с богами трапезу жертвенным быком, положив его останки в священное пламя у подножия идолов. Боевые крики пронзали сумеречный воздух, отточенные лезвия рассекали его подобно молниям.

Все это время Фае казалась, что она двигается и говорит будто во сне, повинаясь общему настроению, и сон оборвался, лишь когда Матвей разыскал ее и взял за руки. От него пахло огнем и дымом священного костра, над которым он вместе с остальными воинами закалял свой меч. В тот момент на его лице застыло суровое, даже свирепое выражение, и Фая с новой ясностью осознала: завтра он будет сражаться до последней капли крови.

Сейчас в его глазах горел огонь другого рода.

– Идем со мной, – тихо сказал он.

Фая согласилась не колеблясь. Матвей кивнул семье на прощанье, и впервые за все время она не увидела на лицах его братьев ни следа обычной насмешки. Они были не единственной парой, что желала провести наедине хотя бы несколько часов, чтобы у мужчины осталось достаточно времени для отдыха.

Всю дорогу до его двора они молчали. Сердце Фаи разрывалось между нежностью и страхом, и она очень боялась выдать последний. Вместо этого она сосредоточилась на звуке его ровного, спокойного дыхания и думала о том, что будет ждать их, когда он вернется с поля битвы. То были самые простые вещи – праздничный пирог с мясом из ее скудных запасов, который они разделят в саду; венок из луговых цветов у него на голове; новые уроки резьбы по дереву, после которых она наконец-то научится вырезать красивые цветы; танцы в огне купальского костра; первое из многих утро, ко-

гда она проснется его женой. Целые дни вместо украденных часов.

– Фая. – Матвей остановился у крыльца избы, поворачивая ее лицом к себе. Подняв к губам их соединенные руки, он поцеловал ее ладонь. – Ты дрожишь, душа моя.

Он не спрашивал ее почему и не уговаривал вспомнить, что совсем недавно предсказали жрецы. В его карих глазах были нежность и понимание, и Фая почувствовала, как к горлу подбираются предательские слезы. Но сейчас для них было не место и не время.

Она шагнула ближе, касаясь его бородатой щеки, и не сдержала улыбки при знакомом чувстве щекотки. Матвей накрыл ее губы своими, и она обвила руки вокруг его шеи, зарываясь пальцами в густые волосы. Он прижал ее к себе так крепко, что Фая могла почувствовать, как быстро бьется его сердце. Часть ее хотела провести так целую вечность, другая же не могла игнорировать разгорающееся внутри желание. Словно читая ее мысли, Матвей оторвал ее от земли и поднялся на крыльцо, а затем их окутало тепло горницы, пахнувшее горящим деревом и мочеными яблоками. Фая подумала было, что скажут его мать и дядя, если узнают, что они были здесь, а не во дворе или на сеновале, но Матвей быстро оборвал ход ее мыслей.

– Не думай ни о чем, – попросил он, остановившись у лестницы к полатам и отрываясь от ее губ. Они не зажгли лучину, но света, пробивавшегося сквозь слюдяные окна, хватало.

тало, чтобы видеть руки и глаза друг друга. Он отвязал от пояса тяжелый меч и прислонил его к лавке, беря ее лицо в ладони. – Матушка, тетя и дядя сейчас на капище вместе с другими старейшинами, братья нас не побеспокоят. Сейчас есть только ты и я, и никого больше на целом свете.

Фая все же не сдержала слез, но это было намного позже, когда она лежала на лавке в руках Матвея, обняв его за талию и чувствуя его дыхание на своей шее. Перина запуталась где-то у них в ногах, но исходившего от разгоряченного тела юноши тепла было достаточно для них обоих. В какой-то момент он распустил ее длинные волосы, и теперь они каштановыми волнами рассыпались вокруг них, касаясь пола.

Только ты, я и никого больше на целом свете. Поверить в его слова было легко, когда он был всем, что она могла видеть, слышать и чувствовать. Годы тоски и одиночества таяли под силой его взгляда, прикосновения кожи к коже были сродни чарам, исцелявшим раны, о которых она даже не подозревала. Быть с ним было так же естественно, как дышать. И пусть их мечты о будущем доме были прекрасны, сейчас, в его руках, Фая знала, что уже была дома. Если боги отберут его у нее, то жить ей будет просто незачем.

Кожу на висках жгли дорожки слез, пока она перебирала в памяти поцелуи и прикосновения, которые они разделили этим вечером. Затем ее мысли обратились в прошлое, к ночи после Ивана Купалы, когда Матвей пришел к ней и она впервые почувствовала его прикосновения. Он смотрел на нее с

благоговением, страстью и лаской вытесняя неуверенность и страх, не дававшие ей покоя, пока она ждала его. С каждой встречей они все больше доверяли друг другу и больше разговаривали. Матвей рассказывал ей о своей жизни в другой деревне, а еще признался, что думал, что со смертью отца на свете не осталось людей, которые бы искренне им дорожили. Фая поведала ему свою историю, не скрывая страха перед одиночеством на всю жизнь, который так никогда и не исчез окончательно. При воспоминании о теплой улыбке, которую он подарил ей в ту ночь, глаза снова обожгло, и Фая тихо втянула носом воздух, запрокидывая голову, чтобы не дать слезам пролиться.

Над ней зашевелился Матвей. Она почувствовала поцелуй на шее, затем теплые пальцы провели по ее талии. Приподнявшись на локте, он заправил ей за ухо прядь волос и ласково коснулся щеки. Черные волосы растрепались и падали ему на глаза.

– Ты голодна?

Она покачала головой, не желая даже думать о том, чтобы выпустить его из объятий. Вдруг это был последний раз, когда они были вместе?

– Сегодня я хочу заснуть вместе с тобой, – тихо сказал он, словно не был уверен в ее согласии. – Останься еще ненадолго?

Вместо ответа Фая поцеловала его, вкладывая в касание губ все чувства, что переполняли ее в этот момент. Это было

подобно вспыхнувшей лучине, отгоняющей тьму, а вместе с ней все страхи. Хотя бы на какое-то время. Воспоминания не оставили от усталости и следа, ее руки толкнули его на бок и заскользили по телу. Когда Матвей откликнулся на ее ласки, стало ясно, что сон мог еще подождать.

После Фая держала Матвея за руку до тех пор, пока его не одолел сон, а дыхание не стало ровным. Натянув ему на плечи перину, она поднялась на ноги и, стараясь не шуметь, нашла на полу свою рубаху, онучи и лапти.

Переполненная сладкой болью, она выскользнула за дверь. Нужно было спешить, пока луна стояла высоко. Добравшись до дома, Фая тут же направилась к своей лавке, из-под которой вытащила тяжелый узелок с остатками подношений, что приберегла утром.

– Фаина, это ты? – сонно окликнула ее Марфа со своего места на печи.

– Я.

– Ты что, опять уходишь?

– Да. Матвей ждет меня у реки, – сказала Фая, надеясь, что голос звучит ровно.

– Ах вот оно что. Силы-то у молодых хоть отбавляй. Тогда возьми еще один платок, – не без доброты посоветовала Марфа. – У воды всегда холоднее, даже когда есть кому согреть.

Фая повиновалась, избегая ее взгляда, и вернулась обратно в ночь. Она с детства ненавидела лгать и почувствовала

укол стыда оттого, что бабушка так легко поверила ей.

Казалось, за те несколько минут, что она провела в избе, снаружи стало холоднее. Озноб пробирал до костей, но, по крайней мере, небо было ясное и луна освещала ей путь. Вокруг было тихо; собаки принимались ворчать, когда она шла мимо, но Фая двигалась слишком быстро, чтобы они могли всерьез забеспокоиться. Идти на капище было нельзя – духам тьмы там было не место, к тому же обет, который она собиралась принести, требовал уединения.

Подойдя к сторожевой башне у стены, окружавшей деревню, она окликнула стражника и попросила выпустить ее за ворота, к священной роще Перуна.

– Ай, иди, – устало отмахнулся он, не дав ничего объяснить. – Много таких уже ушло. Смотри аккуратнее, нечисть не примани.

«Сомневаюсь, что теперь мне опасна нечисть», – подумала про себя Фая, крепче запахивая платок. Она никогда не гуляла по ночам одна, тем более в лесу, но чем ближе становилась его мрачная громада, тем крепче суеверный страх сжимал ее сердце. Кто знает, что могло встать на ее пути.

– Матвей, – шептала она себе под нос, как молитву, заставляя озябшие ноги идти вперед, в чащу. Зубы стучали так сильно, что становилось больно. Перед глазами стояло мирное спящее лицо, а тело еще помнило прикосновение его губ. – М-матвей. Матвей.

Поцеловав головку деревянного конька для храбрости,

она повернула в сторону ельника, оставляя позади дубовую рощу, откуда доносились тихие голоса молящихся. Стараясь ступать как можно тише, Фая прислушивалась к шорохам в траве и хлопанию крыльев над головой – звукам ночной жизни леса, в которой ей не было места. Лицо царапали веточки и листочки. В слабом свете, пробивавшемся сквозь листья, она несколько раз споткнулась о кочки, оставленные кротами, а один раз зашипела от жгучей боли: крапива задрала подол рубахи и хлестнула ее пониже колен. Заухала сова, и Фае показалось, что она смеется над ее самонадеянностью: неужто к ее одинокому голосу прислушаются? Сжав зубы, она продолжала идти, пока не увидела за деревьями окутанную серебром поляну, которую, словно стражи, окружали высокие ели. В нос ударил их густой, горьковатый запах.

Следуя наставлениям из свитка, она встала в центре поляны, разложила перед собой подношения и расшитое цветами полотенце, прежде предназначенное в подарок Матвею. На него легли обереги и бусы, сделанные из дерева и красивых камней. После она разделась донага и едва не вскрикнула – в тело словно впились десятки ледяных иголок. Фая поспешно распустила косу, оставив волосы струиться по плечам и груди, прикрывая бедра. Они дали совсем крохотную толику тепла. Затем она встала на колени, подставляя лунному свету спину, и очертила вокруг себя полукруг, делая нужные отметки среди сухих еловых игл и шепча под нос

выученную ранее молитву. Говорила она медленно, привыкая к словам на древнем языке, из которых точно знала всего одно – Марена, грозная повелительница ночи, олицетворение круговорота рождения, плодородия и смерти. Ее духу не нашлось места среди идолов на капище, но ее могущество было неоспоримо. Без ее воли на полях не всходили посевы, а трава для скота становилась горькой и сухой. Она правила в царстве за рекой Смородиной, и каждый, кто умирал, становился ее подданным.

Шло время. Фая не чувствовала пальцев ног и рук, вокруг не осталось звуков, кроме ее собственного прерывистого дыхания, но мысль о том, чтобы остановиться, ни разу не посетила ее. Лунный свет стал таким густым, что она не видела ничего за пределами круга. Завершая ритуал, она вытащила из кармана лежащей недалеко юбки нож и, дав ему искупаться в свете, приставила кончик к груди. Какие бы подношения она ни принесла с собой, дух не прислушается к желанию ее сердца, если сперва не получит его крови.

Это самое сердце билось с болью, утонувшей в стене Фаи, когда она сделала надрез. Он повторял форму полумесяца с опущенными вниз концами, как было наказано в свитке. По лезвию побежало тепло. Она быстро прикусила губу, напоминая, ради чего пришла сюда. Боль уйдет, исчезнет и шрам. А что ей всего дороже, останется с ней навсегда.

Прижав платок к груди, чтобы остановить кровь, она вытянула нож и позволила каплям крови упасть на каждый из

символов, начертанных на круге. Те мгновенно впитались в землю. Ее жертва была принята. Фая положила окровавленный нож рядом и всхлипнула, комкая насквозь промокшую ткань и скрючившись над землей. Оставалось только ждать и надеяться, что луна, вечная помощница девушек в гаданиях и ритуалах, поможет ей и сейчас. Время шло, но вокруг стояла тишина. Внутри нее начало расти отчаяние, усиливая боль в груди при каждом вздохе. Зубы выбивали дробь от холода.

Когда слезы высохли, что-то коснулось ее волос у самой шеи – точно пальцы перебирали густые пряди. Она медленно подняла голову и замерла, встретив пронзительный взгляд янтарных глаз. Сверху вниз, выпрямившись во весь рост, на нее смотрела старуха, закутанная в черные лохмотья. Кожа ее была белая, как у покойницы, а седые волосы уложены вокруг головы короной. Не моргая, она смотрела в лицо Фае, которая больше не чувствовала ни боли, ни холода; ее тело было во власти невидимой силы, исходившей от старухи, и когда та заговорила, каждое слово отдавалось ударом внутри замершего сердца.

– Убери свою игрушку, пока я не передумала. Чужих благословений тут не надо.

Фая моргнула, не сразу понимая, о чем речь, но затем сжато в кулак руку словно обожгло. Раскрыв ладонь, она посмотрела на конька. Веревкой-уздечкой он был привязан к ее запястью. Пришлось бросить его за пределы круга, в кро-

мешную тьму, но у Фаи не было времени за него испугаться. Марена заговорила снова:

– Сегодня ты и твои люди возносили молитвы богам и просили помощи духов предков в грядущей битве. Зачем ты пришла сейчас ко мне?

Фая наконец обрела дар речи:

– Просить за того, кто мне мил.

На морщинистом лице не появилось ни усмешки, ни признаков узнавания.

– Коли среди его предков были великие воины, они ему помогут. Коли нет, после смерти его встретят как подобает.

– Он не может умереть! – Фая сорвалась на крик, но старуха даже не шелохнулась. Лишь тонкая седая бровь поползла вверх.

– И это говоришь *ты*? Решила, раз дары твои так искусны, получила надо мной власть?

– Пожалуйста, – отчаянно зашептала Фая, простирая к ней дрожащую руку, другой прижимая к груди платок. – Милостивая госпожа, прости меня. В нем одном заключена моя жизнь, и я сделаю что захочешь, чтобы он вернулся ко мне.

– Ах так. И почему же ты считаешь, что никто на свете его не заменит?

Вопрос был задан все тем же бесстрастным тоном. Фая опустила глаза, разглядывая следы собственной запекшейся крови на ноже. Были ли хоть на одном человеческом языке слова, чтобы объяснить, что значили для нее каждый взгляд

и прикосновение Матвея? Стук его живого сердца под ее ладонью? Ласковые слова, которые он шептал ей просто так или в минуты страсти? Мечты, которыми делился с ней день за днем, строя их жизнь на годы вперед? Ей было нечего ответить.

– Я вижу, – пророкотал дух. Когда Фая подняла взгляд, уголок ее тонких губ приподнялся в подобии улыбки. Она была слишком напугана, чтобы заметить в ней торжество. – Молод он, хорош собой? Добр сердцем, надо полагать, и ласков?

Фая закивала.

– Что же ты готова предложить мне за его жизнь?

– Что пожелает твоя душа. – Она выпрямилась, глядя на нее немигающим, искренним взглядом.

– Ах, желаний у меня много, и некоторые не сбудутся никогда, – как бы про себя заметила Марена, воздев глаза к небу.

Затем ее взгляд небрежно скользнул по обнаженному телу Фаи, задержавшись на окровавленном платке.

– Душа подобно твоей, однако, в моем царстве бы пригодилась, – промурлыкал дух. – Такие чувства всегда делают людей краше, чем они есть.

Фая заставила себя не двигаться; внутри нее все кричало от ужаса. То, что она прочитала в книге, подготовило ее к этому моменту, однако оказаться в нем наяву было куда страшнее. Она не чувствовала ничего близкого к религиоз-

ному исступлению, о котором так много говорилось в легендах о богах.

– Не спешишь убежать? – хрипло рассмеялась старуха, подождав немного. – Похвально. Я не убийца, поэтому заберу ее, когда настанет час тебе пересечь Калинов мост. Умерев один раз, твой милый сможет вернуться к тебе. Ты получишь то, что просишь, но за это проведешь вечность, служа царству мертвых. Таково мое условие.

Фае показалось, что глаза старухи весело сверкнули, но это могла быть просто игра лунного света.

– Один раз, – прошептала она; язык с трудом ей повиновался.

– Бессмертных людей на свете не бывает.

Она сжала руку, где прежде держала конька, но пальцы сомкнулись вокруг пустоты.

– И будучи у вас в услужении... я смогу видеть его? Говорить с ним?

– Если ваша связь так сильна, как ты считаешь.

Впервые с тех пор, как она оставила Матвея, на ее лице появилась улыбка. Их связь была единственным, в чем она, не зная ни родителей, ни места своего рождения, никогда не сомневалась. Ради него она выдержит что угодно.

– Я согласна.

– Дай мне руку.

Она сделала глубокий вдох и протянула ладонь. На нее упал деревянный оберег, который богиня вытащила из сво-

его рукава. По форме он напоминал секиру Перуна, которую Фая видела сегодня у других воинов на капище. Матвей носил подобную каждый день. Затем, к ее изумлению, лунный свет засиял на деревянной поверхности, словно на воде, и так же внезапно погас, оставив после себя тяжесть и едва заметный серебристый узор, извивающийся подобно цветочному побегу.

– Оберег сделан из ели у Калинова моста, – продолжала Марена. – Завтра первым делом надень его на шею тому, за кого просила, и прочти молитву, которую я тебе скажу. Так, окажись он на пороге смерти, его узнают и отпустят обратно. А после, когда он вернется, убедись, что будешь первой женщиной, к которой он прикоснется. Иначе мое благословение потеряет силу и он умрет.

Фая решительно кивнула, зажав дар в кулаке. Затем Марена медленно заговорила на древнем языке, что был записан в бабушкиных свитках. Если бы Фая видела себя со стороны, заметила бы, что глаза ее вспыхнули янтарем, а печать царицы подземного мира легла на лицо, стерев со щек румянец. Но в тот момент в душе ее царилась радость. У ее счастья будет шанс на спасение.

– Благодарю тебя от всего сердца.

– Помни мой наказ. И не рассказывай о своем обете ни одной живой душе.

Марена растаяла в воздухе, забрав с собой все подношения и обереги, оставленные Фаей. Тьма отступила, и на де-

вушку обрушился бурный поток звуков и запахов леса. Пришлось на несколько мгновений зажмуриться, чтобы не кружилась голова. Вернулся и холод, поэтому она набросила на плечи чистый платок, содрогаясь всем телом. Немного придя в себя, Фая потянулась за коньком, лежащим совсем рядом, и удивилась, до чего он был теплым по сравнению с даром духа. Тот выглядел совсем просто, но, как и от Марены, от него будто исходила невидимая сила.

Фая тряхнула головой: в серебристом свечении ей почудились кровавые отблески, а далекий клич совы превратился в крик боли. Пора было возвращаться домой. Неизвестно, сколько времени отнял обряд, и Марфа могла забеспокоиться. С трудом встав на одеревеневших ногах, она начала одеваться и поморщилась, когда холодная ткань рубашки оцарапала кожу. Онучи пришлось на несколько секунд прижать к груди, чтобы хотя бы немного согреть. Нож, как и платок с пятнами крови, она думала спрятать в саду до утра. Косу Фая заплела лишь наполовину, то и дело прикрывая глаза от боли, саднящей в груди и отдающей в левое плечо. Наконец, проведя правой рукой по земле, она стерла все следы ритуала, прошептала под нос последнюю молитву и ушла с поляны не оглядываясь.

* * *

Рано утром войско должно было выступить навстречу ко-

чевникам. Фая, проспав всего пару часов, с трудом держала глаза открытыми, но ни на миг не позволила себе забыть об обереге, что сжимала в руке.

– Ты что-то бледна, – заметила Марфа, пока они шли к воротам вместе с остальными жителями. – Не заболела ли, часом?

Фая покачала головой, подавив зевок. Домой она вернулась глубокой ночью, продрогнув до костей, и проснулась спустя всего несколько часов, чтобы подоить корову. Сейчас под ее глазами пролегли тени, а тело пробирала дрожь. Ноги едва слушались.

– Хочешь, приготовлю для тебя травяной отвар?

– Бабушка, я здорова, – мягко ответила она. Саднившую ранку у сердца кольнуло. *Да неужто?* – Отвар мне ни к чему. Я буду в порядке, когда все закончится.

– Ох, Матвейка, надеру уши, как вернешься, – едва слышно пробормотала себе под нос Марфа.

Разыскать Матвея среди других воинов, прощавшихся с родными, было несложно – он возвышался над толпой на целую голову. Вместо обычной рубашки на нем была стеганая, под кольчугу, пояс украшали защитные руны, несомненно вышитые рукой матери, а лапти сменились высокими сапогами. Вместе с братьями они запрягали лошадей в повозки с оружием и броней, поправляя гриву и шлеи, чтобы лежали ровно и не натерли животным спины. Чувствуя царившее вокруг напряжение, лошади нервничали, мотая головами и

топча тяжелыми копытами землю. На глазах Фаи одна вдруг взвилась на месте с громким ржанием, едва не ударив Матвея в живот, и девушка невольно схватилась за сердце. Он успел отскочить в сторону, но затем поймал лошадь за уздечку и погладил по шее, пристально глядя в глаза. Ей не было слышно, что именно он говорил, но в конце концов завел ту в оглобли, и на его лице появилась удовлетворенная улыбка.

Уже пристегивая к уздечке вожжи, он словно почувствовал взгляд Фаи и повернулся в ее сторону. Выражение его лица смягчилось, став почти ласковым. По дороге сюда Фая еще тешила себя мыслью, что боги вот-вот пошлют им чудо в обличье гонца, который принесет весть об отступлении кочевников или прибытии княжеской дружины. Чуда не случилось. И она могла лишь надеяться, что вид Матвея в боевом облачении, с огромным деревянным щитом и мечом в руках, окажется столь грозен, что противник будет бежать прочь в страхе. Ну а если даже помощи богов и предков будет недостаточно, добытый ею оберег должен помочь ему вернуться домой живым.

Старший брат потрогал дугу над головой лошади и что-то сказал Матвею, кивнув в сторону Фаи и Марфы. К тому моменту как он подошел к ним, вытерев руки о подол рубашки, сердце Фаи билось подобно барабану. Она едва сдерживала дрожь, сжимая в кулаках складки юбки.

– Здравствуй, Марфа, – вежливо сказал Матвей.

– Здравствуй, – проворчала она в ответ, смерив его вни-

мательным взглядом с высоты своего небольшого роста. – Хорошо спал, как я погляжу.

– Да, – робко согласился он, прочистив горло. Фая склонила голову, послав бабушке многозначительный взгляд, прежде чем та могла сказать что-то о холодном берегу реки. К счастью, Марфа решила ограничиться короткой молитвой о его безопасности и отошла к знакомому старику, который прощался с зятем.

– У меня для тебя кое-что есть, – сказала Фая, прежде чем Матвей успел снова открыть рот, и показала подарок Марены. – Он был освящен светом полной луны и уберезет тебя во время битвы.

Юноша послушно наклонил голову, позволив ей надеть оберег ему на шею. Про себя Фая быстро читала молитву, буквально слыша в ушах скрипучий голос духа. Когда она произнесла последнее слово, ее пробрала дрожь, и даже Матвей дернул плечами, осторожно касаясь оберега.

– Как странно. С виду легкий, а весит, будто сделан из камня. Как много силы ты в него вложила, душа моя.

Руки Фаи инстинктивно сжали его плечи крепче. Он поднял глаза и обеспокоенно сдвинул брови, отмечая бледность и потухший взгляд девушки.

– Ты потратила на это всю ночь?

– Я бы провела ее с тобой, – ответила Фая, – коли знала бы, что этого будет достаточно, чтобы защитить тебя.

Руки Матвея сомкнулись на ее талии, почти обхватив ее

целиком. Она прижалась лбом к его лбу, вдыхая знакомый запах, к которому примешивались тяжесть закаленного металла и свежесть сена, которым кормили лошадей.

– Вчера мне казалось, что я могу в одиночку выйти против целого войска, – тихо сказал он. – Если дома меня будешь ждать ты.

Фая скользнула пальцами по его коже, стараясь запечатлеть в памяти каждую деталь. Изгибы крепких мускулов на груди и плечах. Тепло ладоней, покрытых мозолями и старыми ссадинами, но тем не менее нежных.

– Ты мой свет, Матвей. Ты моя жизнь. И, когда ты вернешься, я первая выйду навстречу.

Улыбка, которой он ей ответил, стоила каждого мгновения боли, которую она испытывала из-за вчерашнего ритуала. В уголках глаз тонкими лучами разбежались морщинки, и она прикоснулась к ним большими пальцами.

Рядом раздался звук шагов, и Фая увидела внушительную фигуру его дяди. Сквозь седую бороду Бориса проглядывала усмешка, глаза были прищурены.

– Решил взять на битву свою красавицу? – последнее слово прозвучало почти небрежно. – Боюсь, кольчуги для нее у нас нет, как и меча.

– Нет, дядя, – ровным голосом откликнулся юноша, в защитном жесте сжимая ее талию крепче. – Она уже подарила мне свое благословение.

– Снова цветочки? – Матвей несколько месяцев носил

при себе подарок из ее сада, пока цветок не обратился в пыль. – Не задерживайся. Мы выступаем. Поприветствуем эту нечисть раньше, чем они ожидают.

Слова Бориса рассекли воздух подобно лезвию меча. Фая тихо выдохнула и прикрыла глаза, когда Матвей поцеловал ее в лоб.

– Мне нужно что-то отдать тебе. Это принадлежало моей семье...

– Отдашь, когда вернешься! – ответила она, яростно трянуv головой и приказывая себе стоять прямо, хотя ноги держали ее с трудом. Матвей покорно кивнул и отступил на шаг, не отрывая взгляда от ее лица, словно не мог насмотреться. Его голос был полон нежности.

– Я вернусь, моя милая.

Он ушел следом за дядей, ступая твердо и держа подбородок высоко – воин, готовый к битве. Проводы завершились, и, стоя между Марфой и его матерью в толпе жителей, Фая смотрела, как уезжала за ворота вереница повозок, окруженных воинами. Дорогу и поля заволокла туманная дымка, мерцающая розовым в свете солнца. Кто-то из мужчин завел песню о храбрости воинов и великой битве, о которых позже сложат легенды, и постепенно ее подхватили все остальные. Фая не слышала ни слова. До тех пор пока могла, она смотрела на удаляющуюся высокую фигуру, подняв дрожащую руку, когда ей показалось, что Матвей обернулся. Затем створки тяжелых ворот сомкнулись, отрезав их

друг от друга. Стражники задвинули засов.

– Фаина.

Варвара, мать Матвея, крайне редко снисходила до обращения к Фае. Выйдя замуж в тринадцать, как и положено, позже она родила семерых детей, четверо из которых уже умерли, а для оставшихся желала найти лучших невест, с достойным приданым, работающих и скромных. Покойные жены двух старших сыновей этими качествами не отличались, и жениться снова те не спешили, пресытившись капризами. Варваре помогали и сваха, и невестка, хорошо знавшие все семьи с незамужними дочерьми. И обе они считали, что Фаина уступала другим по возрасту и богатству и несильно превосходила их в талантах. Придирчивые глаза всегда могли найти изъяны в ее рукоделии, а она еще смела дерзить, защищая свою работу. Готовила она сносно, но слишком просто, так как приходилось беречь мясо. Не ленилась, когда работала в поле и огороде, но ее страсть к саду не воспринималась всерьез. Вот если бы в приданое за нее давали столько же коров и овец, сколько у нее было цветочных кустов, Варвара, возможно, посмотрела бы на невзрачную бедную сироту иначе. Свояченица то и дело отпускала намеки, что их присутствие становится накладным, хотя тут могла быть замешана и ревность: Борис начал оказывать вдове брата знаки внимания.

То, как Фаина запала в душу Матвею, повергло в недоумение всю семью. Он виделся с ней так часто, как позволяли

дела, хвалил все, где другие находили недостатки, и поднимал на смех все подозрения относительно веснушек. Более достойные девушки вроде дочерей знахаря, которые не отличались худобой и точно смогли бы родить здоровых детей, для него просто не существовали – даже в качестве вторых жен. Матвей поссорился с дядей, заявившим об алчных намерениях его единственной наперсницы. А перед походом и вовсе заявил, что, если ему однажды не позволят взять ее в жены, он больше никогда не переступит порог дома воеводы.

Наблюдая, как он и Фаина прощались друг с другом перед уходом войска, ослабевшая от тревоги Варвара вдруг почувствовала, как внутри что-то дрогнуло. В тот момент девушка, казалось, искренне переживала о его судьбе. Даже отказалась принять подарок, который Матвей выпросил накануне, пользуясь снисходительностью матери. Ее привязанность к нему была тихой, без громких бесполезных истерик и отчаянных проклятий. И на памяти Варвары никто так не смотрел на ее мальчика.

Поддавшись порыву, она сказала, глядя в удивленные зеленые глаза:

– Когда Борис и мои сыновья вернутся, после общего пира мы устроим праздник. Приходите и вы с Марфой.

Она не давала никаких обещаний. Не говорила, что сочла ее хорошей женой своему сыну. И все же уставшее лицо девушки просияло, словно на нее снизошло благословение, а глаза заблестели.

– Благодарю от всего сердца, сударыня. Я верю, они обязательно вернутся.

* * *

Время тянулось медленно, как мед, стекающий с пчелиного улья на землю. Фая не находила себе места, переходя из одного конца двора в другой. Огород был прополот, сено перевероршено, а руки дрожали слишком сильно, чтобы заниматься ткачеством. Оставив станок, она взялась очищать стену печи, закоптившуюся после целого дня приготовления подношений. В горнице до сих пор сильно пахло дымом. То и дело Фае приходилось останавливаться, вытирая с лица пот и надеясь, что секунда отдыха уймет растущую боль в груди. Ранка не воспалилась и не загноилась, но продолжала терзать ее, несмотря на все молитвы и чудодейственную мазь.

Это все неважно, повторяла себе Фая; совсем неважно, если в конце концов жизнь Матвея будет спасена. Услышав снаружи шум, она порывалась бежать к двери, но всякий раз это была какая-то примитивная, раздражающая ерунда. Дети, ведущие овец на луг, сбежавшие собаки, девушки, направлявшиеся на реку с корзинами стирать нарядную одежду. Если исход битвы будет благоприятным, она пригодится для праздничного пира. Если нет – для проведения тризны⁷.

⁷ Языческие погребальные обряды у восточных славян.

Все вели себя как обычно, чтобы не отвлекать внимание богов, помогающих мужчинам на поле битвы. Марфа отправилась к реке и Фаю, но та сбежала домой, даже не отжав белье как следует: слушать размышления на тему, подоспела ли к их войску подмога, быстрые ли у кочевников кони и сколько будет длиться битва, для нее было невыносимо. Ей они не приносили никакого облегчения. Зато кровавое пятно с платка почти удалось вывести. Фая повесила его на солнце, чтобы окончательно выбелить, и ненадолго дала волю слезам.

День склонился к закату. Тени вытянулись, рассекая дорогу к воротам так, что она стала чем-то похожа на мост, сложенный из неравных бревен. Фая отогнала мысли о Калиновом мосте, не сводя глаз с дозорных башен. Битва, говорили за ее спиной другие жители, должна была давно закончиться. И если их войско потерпело поражение, то кочевники уже должны были быть здесь, жечь, убивать и грабить. А если нет, то кто знает – может быть, победа была одержана, но никого не осталось в живых...

Фая стиснула зубы, борясь с желанием закричать. И, возможно, даже отвесить крепкую затрещину, дав новый повод для проклятий. От боли в груди и накопившегося за последние часы напряжения к горлу подступала тошнота. Если они не вернутся до полуночи, их будут встречать на рассвете. А затем люди придут сюда еще раз, моля богов о милости.

– Что это? – вдруг громко спросил кто-то, и в собравшей-

ся толпе постепенно воцарилась тишина. – Похоже на песню.

Фая напрягла слух, и действительно – издалека донесся нестройный, совсем слабый, хор мужских голосов. Знакомых ей голосов, празднующих победу.

– Перун великий, Перун всемогущий!

Тишина в один миг сменилась торжествующим ревом. Кто-то толкнул Фаю в спину, так что она поперхнулась воздухом, и Марфа прижала ее к себе, обругав соседа. Ворота открыли быстро, но Фае казалось, что прошла целая вечность, прежде чем она, стоя в первом ряду, смогла увидеть первую повозку и услышать, как воины возвещают об одержанной победе. Ей не было дела до захваченных лошадей, которые поселятся в конюшнях воеводы, как и пленных, будущих жертв в благодарность богам за помощь. Ехавший во главе строя Борис Рокотов мог заявить, что сам решил стать кочевником, и она не моргнула бы глазом. Но вот звук драгоценного имени заставил обратиться в слух.

– ...Поединок перед боем был таким долгим, что нечисть начала терять терпение, – громко говорил воевода, весь в крови, но торжествующий. Он замедлил шаг лошади, вынуждая всех, кто шел следом, поступить так же. – Они-то решили, жребий обрек нашего Матвея на быструю смерть: их воин был огромен, как бык, а меч у него – что копье. Легко пронзит насквозь и медведя. А Матвей отказался от кольчуги, чтобы оставаться быстрее, как его научил отец, мой дорогой брат. Его дух был с нами на поле битвы.

В толпе раздавались вздохи и аханья. Фая в отчаянии прижимала кулаки к груди и не сдержала крик, когда наконец-то увидела знакомое лицо. Миновав ворота верхом на захваченной лошади, Матвей смотрел на нее и улыбался. По его испачканному грязью лицу текли слезы облегчения и радости. Ее зрение сузилось, погружая во мрак их окружение и оставляя лишь его фигуру в свете закатного солнца – будто божество спустилось на землю и приняло человеческий облик.

Рев вокруг стал еще громче.

– Об этой битве будут слагать легенды! – продолжил воевода. Матвей подъехал ближе к нему, по-прежнему не произнося ни слова, но глядя только на Фаю. За ним следовали его братья; у одного рука была на перевязи, у другого щеку рассекал шрам, и Фая услышала, как где-то рядом зашептала благодарность Варвара. – Столь разными казались соперники, но не уступали друг другу в силе. Зверь гонялся за Матвеем и все не мог достать его, крича от бешенства и призывая на его голову проклятия. Матвей нанес три раны – две мечом, одну щитом, – прежде чем меч нашел его самого.

Опустив взгляд, Фая увидела, как воевода показал на полосу разорванной ткани на боку Матвея. Та побагровела от засохшей крови. Рана была смертельной. Но добытый накануне оберег вернул Матвея к жизни. Марена сдержала слово. Глаза Фаи наполнились слезами, и она поспешно вытерла их трясущейся рукой.

– Мы все верили, что он погиб, – продолжал воевода. –

Зверь опустился на колени и уже занес над ним свой нож, чтобы завершить поединок кровавым ритуалом. Но затем случилось чудо! Чудо, посланное нам богами, – его охрипший голос возвысился, будто пытаюсь добраться до их небесной обители. Все притихли в ожидании продолжения. С гордостью посмотрев на племянника, воевода сказал: – Матвей перехватил нож, и зверь перерезал себе горло. После этого никто не сомневался в исходе битвы.

Толпа разразилась восторженными, исступленными криками, затихнув на несколько мгновений, когда Матвей впервые за все время заговорил, протянув руку к Фае:

– Я будто оказался на дне мрачной пропасти, но затем услышал родной голос и вновь увидел свет. Меня спасло благословение моей милой!

Больше всего на свете Фая желала коснуться его, хотя бы края рубахи, чтобы убедиться, что это был не сон и он действительно вернулся. Но она не смела. Согласно древнему обычаю, теперь воинам надлежало провести какое-то время отдельно от родных и близких. Связь с миром мертвых, которая становилась тем крепче, чем больше врагов они убили, должна была ослабнуть, чтобы не принести несчастья в мирной жизни. Лишь после этого они могли устроить пир и отпраздновать победу вместе с его семьей. Обнадеженная словами Варвары, Фая собиралась подготовить подарки и испечь пирог, который всегда хвалил Матвей.

Воевода приказал приготовить баню и отправляться в

подготовленный лагерь на краю деревни, где они проведут три дня и четыре ночи, залечивая раны и благодаря богов и души предков за оказанную помощь. Пленных передали жрецам, чтобы те начинали подготовку к будущему жертвоприношению. Жители готовились провести ночь в молитвах о погибших и скорейшем исцелении раненых.

Фая, равнодушная к чужим похвалам и взглядам, послала Матвею улыбку, прошептав:

– Я буду ждать тебя.

Этот день обещал стать одним из счастливейших в ее жизни.

* * *

Память начала подводить Марфу все чаще. Даже самые обычные вещи, которые раньше она делала не задумываясь, теперь требовали больше времени и постоянной перепроверки.

Мать учила ее готовить сурью, когда Марфа была совсем маленькой девочкой. До сих пор она в любое время дня и ночи могла прочесть молитву, с которой ароматную смесь меда, молока и трав нужно было процедить через полотенце. Однако этим утром забыла слова. Не хотелось бы оскорбить богов после того, как они подарили им победу.

Марфа поставила сундук на стол, посчитав запах, похожий на пепельный, естественным: накануне они с Фаиной то-

пили печь и мылись внутри по очереди, позволив дыму ползти по полу и стенам. Она отперла замок, откинула крышку и начала перебирать берестяные свитки.

Когда ее пальцы обжег холод, от неожиданности она не смогла вымолвить ни слова. Затем на смену ей пришел ужас. Едва сумев сделать выдох, помертвевшими пальцами она подняла свиток со дна сундука и уронила его обратно, заметив развязанный узел и тонкие выпуклые царапины – обратную сторону рисунков и надписей. Ей не нужно было разворачивать его, чтобы понять, что он остался прежним – будто и не было никогда того утра, когда она сожгла его в печи.

Руки сами нашли мешок с рунами, бесцеремонно бросили их на стол. Предсказание осталось прежним. У Марфы закружилась голова, а мысли сменяли одна другую, как будто она кружилась в быстром танце, открыв глаза. Она думала о собственной наивности, страшной неизбежности беды и беспомощности людей перед лицом высших сил, которые не всегда справедливы. Еще одна мысль была тихим и печальным вопросом: *за что?*

– Бабушка?

В голосе Фаины звучало беспокойство. Марфа знала, что выглядит странно, сидя перед распахнутым сундуком с невидящим взглядом, но не могла заставить себя пошевелиться или заговорить.

– Бабушка, я принесла воды и пришла узнать насчет обеда. Ты не брала из погреба мешок с пшеном? Все обыскала,

не могу найти, а уже пора идти к лагерю. Три дня почти истекли.

– Тебе плохо? У тебя видение? – спросила она, не получив ответа, и села рядом. Тонкие пальцы коснулись плеча Марфы, и она вздрогнула, увидев в заботливости внучки еще одно напоминание о беспощадности жизни.

– Нет, голубка. Я просто задумалась, что принести на праздник, – мягко сказала она, чувствуя, как к сердцу вдруг подкатила нежность. За все годы, что Фаина жила с ней, она незаслуженно редко баловала ее лаской, и не потому, что на самом-то деле девушка попала к ней как рабыня. Просто она считала, что наличия крыши над головой и еды в погребе было более чем достаточно для проявления заботы. Мать Марфы была такой же – скупой на объятия и похвалу, но в душе заботливой.

Марфа накрыла руку Фаины и пригляделась к ней. Девушка все еще была очень бледна и приобрела странную привычку двигать левым плечом, будто поправляя рукав. Будто пытаюсь справиться с неутихающей болью. Когда она сделала это снова, Марфу кольнуло странное подозрение.

– Не ушиблась ли ты, часом?

– Нет, бабушка, со мной все в порядке, – ответила Фаина. Ее глаза на короткое мгновение метнулись к сундуку, и уголки губ дрогнули в улыбке, которая не принесла Марфе желанного облегчения.

– И не хочешь ничего мне рассказать?

– Разве что мне не терпится увидеть Матвея, но ты это и так знаешь.

– Знаю. Как чудесно помогло ему на поединке твое благословение, – сказала самой себе Марфа, отстранившись и захлопывая крышку сундука с громким стуком. – Будто в кольчуге невидимой был, раз после такой раны выжил. Откроешь мне свой секрет?

– Нет тут секрета. Матвей мне дороже всех на свете, – сказала Фаина, поднимаясь на ноги. – И я молилась, чтобы ему сохранили жизнь.

– Кому же молилась?

– Известно кому.

– Ночью, у реки?

Девушка вздрогнула, будто Марфа ее ударила.

– Ты была не против, чтобы я увиделась с Матвеем.

– С ним ли? – Марфа сделала вид, что не верит ей, цепляясь за последнюю крохотную надежду, что ошиблась и свиток появился в сундуке *только сейчас*.

– В чем же, как ты считаешь, я провинилась? – Голос Фаины стал тише, но тверже. Злее. – Неужто это грех – быть с тем, кто мил, в ночь перед смертной битвой?

– Считаю, что ты сделала то, о чем можешь очень горько пожалеть. Где ты была – отвечай мне сейчас же! А лучше скажи, не появился ли у тебя шрам, боль от которого не унять.

Никогда так не кричала на нее Марфа, но ярость в ее го-

лосе была направлена совсем не на девушку. Та пятилась к двери, выглядя так, словно вот-вот бросится бежать.

– Бабушка, прошу, – начала Фаина, и едва сдерживаемый страх в ее голосе сказал Марфе все, что она хотела знать. Стены горницы давили со всех сторон, вытесняя свет и воздух, источая холод. – Не надо вопросов. Ты погубишь нас.

– Я уже тебя погубила, – еле слышно пробормотала Марфа. – Не смогла уберечь. Нужно было объяснить тебе все еще очень давно. Тогда ты бы поняла.

– Что поняла? Ты тоже совершала подобный обряд?

Марфа тяжело вздохнула:

– Нет. Но мне известна его сила. Фаина, послушай меня. Если смерть сделала выбор, ничто на свете не изменит его. Даже воля тех, кто намного могущественнее нас, бессильна перед ее древностью. Ты можешь пытаться спастись или спасти, не из корысти, а во имя добра, но только навлечешь на себя беду. Той ночью твоя слабость была использована против тебя.

– Ошибаешься. Мои чувства к Матвею совсем не слабость. – Фаина смотрела на нее с жалостью, пропустив мимо ушей угрозу. – Благодаря ей я наконец-то чувствую, что живу не зря.

– Несчастное дитя. Как сильно ты мечтаешь обрести утешение в семье, ведь в детстве тебя лишили его с такой грубостью. Отец продал тебя в рабство в обмен на пищу и кров перед началом новых странствий. После смерти обеих жен он

возомнил себя волхвом, которому ребенок будет лишь помехой. Ты пыталась убежать, но заблудилась в лесу. Затем лежала в горячке, умоляя помочь тебе забыть его навсегда. Твое желание было понятно. Мои снадобья исцелили твоё тело, домашние духи – душу. Ты стала мне послушной ученицей, заботливой помощницей, и ты будешь хорошей женой Матвею. Я не буду смотреть, как изуродуют твою природу. Пусть Марена забирает мою душу и оставит вам жизнь, которую вы заслуживаете.

Марфа не сказала вслух ничего из этого.

– Будем надеяться, пока что беды не случится. Иди, а я тут закончу.

* * *

Фая шагала к лагерю быстро, спеша к Матвею и одновременно пытаясь убежать от слов бабушки. Она не понимала, откуда та могла узнать правду, но верила, что их с Мареной соглашение останется в тайне. У нее не будет причин забирать назад свой дар. Сколько бы лет ни осталось Фая, она будет каждый день воздавать духу хвалу, а после... Что случится после, не так важно, если за плечами у нее будет жизнь с Матвеем и их семьей.

Эта мысль отогнала страх, закравшийся в ее душу. Фая улыбнулась лучам солнца, которое только начинало свой бег по небу, и, миновав последние дворы, спустилась к реке, ря-

дом с которой на лугу и разбили временный лагерь.

Они должны были выйти за пределы шатров после последней общей молитвы. Фая слушала приглушенные голоса жрецов, позволив себе восхищаться сверкающими бликами на поверхности реки под смех детей и тихие разговоры взрослых, ожидавших родных. Та же нежная золотистая дымка наполняла небо над их головами, что и в день битвы, но, если тогда утро было для нее блеклым, холодным из-за полнившей воздух тревоги, сейчас она наслаждалась каждым его мгновением.

Когда краешек солнца показался из-за леса, голоса в лагере наконец-то стихли. Сердце Фаи забило сильнее, полное нетерпения и предвкушения. Со дня их первого поцелуя они никогда не разлучались более чем на день, но Фая могла подождать еще немного. Разумеется, сперва семья Матвея должна будет собраться на молитву предкам; только после этого они наконец-то смогут остаться наедине.

Идя так, чтобы солнце оказалось за спиной, освещая им путь, воины начали покидать лагерь. Жены и невесты бросались им на шеи, дети прижимались к ногам, родители целовали в лоб. Фая посторонилась, чтобы не мешать воссоединению очередной семьи, и встала на цыпочки, высматривая Матвея.

– В добром здравии он, просто замешкался, – сообщил ей деревенский лекарь, проходя мимо. – Подарок твой ищет в шатре, видать, обронил.

Фая весело рассмеялась – она и думать забыла об обещанном подарке. Мимо прошли остальные Рокотовы, поприветствовав ее кивками и даже улыбками, на которые она ответила. В тот момент она была способна на одну лишь радость, а все прошлые обиды оказались забыты. Даже саднящая боль в груди на какое-то время стихла.

Матвей вышел из лагеря одним из последних, и Фая, не чувствуя под собой ног, побежала навстречу. Он поймал ее в объятия, слегка пошатнувшись, и зарылся лицом в шею. Она слышала, как он повторяет ее имя, щекоча губами кожу, но сама не могла произнести и слова, переполненная чувствами от его близости и жмурясь от бросившегося в глаза солнца. Казалось, впервые за все время, что они были в разлуке, она могла свободно дышать. Одна ее рука мягко гладила его по волосам, другая по спине, и, когда его колени подогнулись, Фая села на землю вместе с ним. Ей пришлось отстраниться, чтобы наконец-то увидеть его лицо и осыпать его поцелуями, и, когда он засмеялся ей в губы, она поняла, что еще не слышала ничего прекраснее этого тихого звука.

– Я очень скучала, – сказала Фая и добавила со строгостью, обращенной к воображаемым врагам: – Пусть это будет первый и последний раз, когда тебе пришлось уйти.

– Следующий, кто осмелится пойти на нас в атаку, познает гнев моей милой, – без насмешки, но с нежностью произнес Матвей, обвивая ее руками. – Я научу тебя биться на мечах перед нашим путешествием. Тебе не будет равных в бою.

Рядом раздались смешки. Фая и не подозревала, что у них были зрители. Матвей продолжил тише и медленнее, глядя только на нее:

– Ты была в моих мыслях каждое мгновение дня и ночи. Даже сейчас, пока я искал подарок, мне почудилось, что ты была рядом и направила мою руку своей. Только подумай, прикоснулась как наяву и сразу исчезла. Но глаза, мне показалось, были другими, золотистыми... Зеленые мне нравятся куда больше.

Фаю кольнула странная, совершенно неуместная сейчас тревога, и она отмахнулась от нее, засмеявшись. Матвей часто говорил, что ее глаза были яркими, как освещенный солнцем лес. Он потянулся к суме на поясе.

– Сейчас найду его, он здесь... – Он сглотнул и нахмурился, откинувшись назад, так что ей пришлось вытянуть обе руки, чтобы не разрывать объятия. – Сейчас, сейчас...

Его пальцы заметно дрожали, и, когда он отпустил ее талию, чтобы опереться о землю, Фая почувствовала, как улыбка сползает с лица.

– Матвей, что не так?

– Сам не знаю. В глазах потемнело. – Он провел по лицу рукой, и она бессильно упала на колени. Матвей покачал головой, послав ей веселый взгляд из-под упавших на лоб волос. – Видимо, никак не могу прийти в себя от радости. Я ведь тоже скучал по тебе, душа моя.

– У тебя что-то болит? – Она провела рукой по его боку,

куда была нанесена смертельная рана, но не обнаружила там крови, а Матвей даже не поморщился.

– Нет, нет. – Юноша улыбнулся, прикрыв глаза, и тихо вздохнул. Его сильные плечи поникли. – Только передохну минутой. Я ведь должен отдать тебе...

Фая не смогла сдержать дрожь, прокатившуюся по телу из-за ужасного предчувствия. Она взяла ослабевшую руку Матвея и поднесла к губам. Та была холоднее, чем всего несколько мгновений назад, когда он обнимал ее, и на этот раз отогнать тревогу не получилось. Сердце будто повисло в ее груди тяжелым камнем. Когда Фая заговорила, ее голос дрожал.

– Матвей, пожалуйста...

Она сама не знала, о чем просит, прижав к груди их соединенные руки – обычные слова и молитвы ускользали прочь под его затуманенным взглядом. Он потерял равновесие, и она тут же подвинулась, чтобы положить его голову себе на колени. Фая коснулась его груди, чувствуя знакомые очертания оберегов рядом с сердцем и мысленно прося о помощи все существующие в мире силы. Она не понимала, как солнце еще могло продолжать светить, когда ей было так страшно.

– Фая.

В глазах Матвея сияла та же нежность, что звучала в имени, которое он ей дал, и на мгновение она поверила, что была услышана. Он пробежал взглядом по ее лицу и попытал-

ся улыбнуться. Фая открыла рот, чтобы ответить, но его глаза уже закрылись. Голова откинулась назад, и хватка на ее пальцах ослабла.

Все произошло быстрее, чем она была способна осознать. Фая смотрела на Матвея не отрываясь, позволив миру вокруг замереть и потерять очертания. Ее окружил плотный шум, как бывает, когда погружаешься под воду с головой. Она не чувствовала ничего, кроме тяжести его тела у себя на коленях, и продолжала держать его руку, другую прижимая к груди. Она ждала, когда снова почувствует под ладонью знакомый стук сердца. Это должно было вот-вот случиться. Нужно просто немного подождать.

Собравшиеся вокруг них люди заволновались. Лекарь, все это время наблюдавший за парой, поспешил на помощь сидевшей неподвижно Фаяе. Присев на корточки, он коснулся шеи Матвея и отпрянул в ужасе.

– Мертв! – воскликнул он. – Он был здоров и полон сил этим утром! А теперь он мертв!

Слова достигли ушей Фаяи, однако были абсолютно лишены смысла. С тем же успехом лекарь мог говорить на другом языке. Затем раздались крики; и до них ей не было никакого дела. Но вот когда кто-то третий попытался поднять Матвея с ее колен, она вмиг вынырнула из оцепенения.

– Нет! – изо всех сил закричала она, с яростью глядя в глаза Бориса Рокотова и сжимая рубашку Матвея в кулаке. Воевода отпрянул от неожиданности. – Прочь! Не смей при-

касаться к нему!

– Ему же Фаинка явилась, – громко заметил рыбак, за которого она так и не вышла замуж. – Еще и желтоглазой предстала, будто сова. Что это за благословение такое, которое потом отбирает жизнь, а?

Вопрос после столь ужасного несчастья был вполне естественный: все помнили, что сказал Матвей после битвы. Вокруг зароптали. Затем кто-то предложил:

– Убери ее отсюда, а ну как он оживет.

Когда Фая почувствовала на талии несколько чужих рук, то наклонилась, прижимаясь к Матвею всем телом, чтобы их нельзя было разделить. Криков становилось все больше, они отзывались в ее голове жутким эхом, и ей не оставалось ничего, кроме как кричать в ответ, надеясь, что они стихнут. Часть ее верила, что так она сможет хотя бы немного унять растущую внутри боль, которая сжимала легкие и резала грудь хуже ножа. У этой боли был голос, говоривший вещи, ужаснее которых она не слышала за всю жизнь.

Он уже не проснется. Ты осталась одна.

Фая закричала громче, желая заглушить голос, и из ее глаз брызнули первые слезы, окропившие траву и шею Матвея. Теперь ее, казалось, тянули во все стороны, били по бокам, и его рубашка начала трещать. Фая со всхлипом ухватилась за нее крепче, зная, что если отпустит, то боль захлестнет ее целиком и она уже не сможет сопротивляться. Она не знала, сколько времени провела так, из последних сил цепляясь

за Матвея, пока не почувствовала сильный удар в затылок и перед глазами посреди хаоса из криков не вспыхнула болью белизна. Всего на мгновение ее предательские пальцы разжались, и Фая поняла, что ее тащат за волосы и рубаху куда-то прочь. Затекшие ноги отказывались слушаться, и, пока перед глазами плясали разноцветные точки, она брыкалась и вслепую махала руками, надеясь освободиться.

Щеку и губы вдруг обожгла боль, и Фая захлебнулась от крика, ударив кулаком в ответ, но промахнулась. Она не понимала, где находится, далеко ли от реки, но слабый запах тины подсказал ей, что берег был совсем рядом. Чьи-то ногти впились ей в голову, заставляя поднять взгляд, и она вдруг неожиданно четко увидела перед собой залитое слезами и искаженное яростью лицо Варвары.

– Змеиное отродье, проклятая ведьма, – шипела она. В ее карих глазах не было и следа тепла, которым отличался Матвей. – Искала невинные души для своих черных дел. Приворожила моего сына, чтобы забрать его жизнь.

Фая попыталась покачать головой, но в затылке тут же вспыхнула боль.

– Думала обмануть нас, притворяясь человеком?

– Небось и собственную мать так же убила, дрянь, – рявкнул кто-то справа. – Оттуда и веснушки.

За спиной Варвары собрались жители деревни, многие из которых еще этим утром улыбались и приветливо кивали Фаяе. Сейчас на их лицах были написаны ужас и отвращение.

Марфы нигде не было видно.

– Что там? – громко спросила Варвара, глядя куда-то ей за спину. Ее грубый голос изменился: теперь в нем звучала надежда. *Матвей*. Фая тоже попыталась обернуться, но Варвара держала ее слишком крепко. На запястье под рукавом чего-то не хватало, и с новой волной боли она осознала, что потеряла в траве подаренного им конька.

Когда ответа не последовало, по лицу женщины покатились новые слезы. Фая невольно вскрикнула, почувствовав, что ногти оцарапали ей кожу до крови, и ее глаза зашипало.

– Не смей! – рявкнула ей в лицо Варвара, брызгая слюной. – У тебя нет права оплакивать Матвея.

Эти слова были хуже любого удара, лишив ее возможности дышать, говорить, даже подумать о чем-то, кроме наполнившей ее боли. Почувствовав теплую влагу на щеках, Фая услышала негодующие возгласы; кто-то приказал принести топор. Варвара силой наклонила ее к земле, другие руки схватили ее запястья. Мокрая трава щекотала Фая губы, лезла в глаза, но она не пыталась высвободиться и не кричала, обессилив от горя.

За ее спиной раздались шаги, затем короткий свист топора, и голову с резкой болью дернуло назад. Фая поняла, что ей только что отсекли косу. Волосы были главным символом красоты и гордостью любой женщины, и потерять их было невообразимым позором. Для ведьмы это к тому же значило лишиться своих сил.

Сами того не зная, сейчас эти люди спасли ее от еще большей муки: всякий раз, заплетая волосы, она бы вспоминала моменты, когда это делал для нее Матвей, и какое удовольствие ему доставляло распускать их, когда они оставались наедине. Губы Фаи изогнулись в слабой улыбке.

– Еще и улыбается, мерзавка! – воскликнул старший брат Матвея. По ногам пришелся сильный пинок, и Фая инстинктивно прижала колени к груди, сворачиваясь в клубок. Криво отрубленные волосы упали ей на щеку.

Другой удар был по локтю, и всю руку пронзила судорога, заставившая ее зажмуриться. *«Не открывай глаза, – твердила про себя Фая, находя в этих трех словах убежище от боли, сопровождавшей остальные удары. – Не открывай глаза. Это ничего не исправит».*

Боги, но терпеть становилось все сложнее.

– Остановитесь, безумцы! – закричал задыхающийся голос Марфы совсем рядом. – Почто губите девочку? Не знаете, что ли, на что способны эти звери? Окропили меч перед поединком ядом, тот и отравил Матвея!

– Что же, теперь и другие из нас погибнут? – прогремел рядом воевода. – Не говори чепухи, Марфа, мы молились три дня кряду, а жрецы принесли пленников в жертву. Боги очистили нас от скверны.

– Не ты ли говорил, что Матвея во время поединка осыпали проклятиями? – не сдавалась Марфа. – Кто знает, на какую сделку со своими черными богами они пошли?

Сделка.

Шок от внезапной потери Матвея на какое-то время вытеснил из разума Фая мысль о Марене. Та приняла ее жертву и обещала, что благословение потеряет силу, только если Фая не будет первой женщиной, которая его коснется. Условие было выполнено. Матвей даже сказал, что чувствовал ее прикосновение еще в шатре.

Лишь глаза были другими, золотистыми.

Голос Матвея соединился с воспоминанием о ритуале в лесу, и Фая вздрогнула всем телом, будто снова ощутила холод ночи. Но вместо ужаса, овладевшего ею в тот момент, сейчас она чувствовала, как внутри клокочет ярость. Она наполнила колотящееся сердце, которому стало тесно в груди, и вернула измученному телу силу. Пинки на какое-то время прекратились – люди внимательно слушали спор Марфы и воеводы, – и забытая всеми Фая медленно повернула голову.

Между ногами собравшихся рядом людей ей был виден вход в лагерь. Двое мужчин уносили тело Матвея к ожидавшей их лошади, чтобы вернуть в деревню и подготовить к похоронам. На месте его смерти, как огромная ворона, застыла закутанная в черные одежды фигура. Фая знала, что ее взгляд был устремлен на нее, – и когда всего на мгновение уродливая старуха преобразилась в ее ухмыляющегося двойника с янтарными глазами, поняла всю глубину ее обмана.

– Верни его, – одними губами произнесла она.

Марена открыла рот, и показалось, что она стояла совсем

рядом, склонившись над Фаей и шепча ей на ухо без тени сожаления:

– Тебе больше нечего за него дать. И я говорила, что он может вернуться лишь раз.

Взгляды и улыбки во время их прошлого разговора обрели новый смысл. Марена не собиралась спасти Матвея; она решила забрать его себе, позволив Фае получить то, о чем она просила, – но всего на несколько мгновений. Фая наивно полагала, что времена, когда могущественные боги и духи опускались до игр со смертными людьми, как дети с потешками⁸, давно остались в прошлом. Могли ли они, после всех молитв и подношений, испытывать хоть немного сострадания к существам, которые никогда не обретут ни подобной силы, ни бессмертия?

Нет, не могли, решила она, чувствуя на языке металлический привкус.

Марена, для которой сильные чувства делали души краше, обманула ее и пришла посмотреть на последствия. Прежде чем она могла снова исчезнуть, Фая сплюнула кровь и сказала, глядя ей в глаза и не сомневаясь, что она сможет услышать шепот:

– Проклинаю тебя.

Злорадно наблюдая, как ухмылка сползла с ее лица, она повторила это еще раз. Выступившие на щеках слезы сделали голос только сильнее.

⁸ Народные детские игрушки.

– Проклинаю тебя!

Вокруг нее воцарилась мертвая тишина. Фая встала на колени, смутно отметив, насколько легче было теперь держать голову, когда концы волос только щекотали шею. Горло саднило от криков, но сейчас это лишь разжигало ее ярость.

– Фаина, замолчи, – в ужасе сказала Марфа, но осталась не услышанной и не осмелилась приблизиться к девушке. После того, что случилось, та уже обрекла себя на смерть, и теперь женщина могла лишь наблюдать, как написанное рунами воплощается в жизнь.

– Ты коварная душегубка, мерзкое создание ночи, – пошатываясь, Фая поднялась на ноги и снова отыскивала дух взглядом. Она с трудом узнавала собственный хриплый голос. – Проклинаю тебя за все, чего ты нас лишила. Мы ни в чем перед тобой не провинились. Ты недостойна никаких даров и почтения. Ты черный дух!

Земля под ее ногами содрогнулась, в небе мелькнула молния, и оскалившаяся Марена исчезла. Быстро обернувшись к капищу, Фая увидела попятившихся прочь людей и расхохоталась, когда сосед попытался прицелиться в нее из лука. Он так дрожал, что стрела ушла в землю у ее ног. Марфа качала головой, глядя на нее со слезами на глазах, но она уже не могла остановиться. В ее сердце не осталось ни страха, ни почтения к высшим силам. Проклятия и ругательства обрушились на головы идолов богов – надменных, слепых, несправедливых, глупых, не спасших их от беды и врагов.

И если Марену никто из жителей деревни увидеть не смог, то сейчас всем было ясно, к кому были обращены яростные слова едва стоявшей на ногах Фаи. Даже скорбь по умершему у нее на коленях юноше не могла служить ей оправданием.

Воевода сильно ударил ее по голове со спины, заставляя замолчать на полуслове, и Фая со вскриком рухнула на землю. В другой день она была бы забита прямо на месте и сожжена без всяких церемоний. Сейчас люди колебались. Воины провели несколько дней, разрывая связь со смертью, и совершать новое убийство так скоро было не положено.

Верховный жрец предложил провести казнь на следующее утро и посвятить нынешний день усердным молитвам Перуну.

Марфа, ближе которой у Фаи не было, обязалась принести самые богатые дары. Она клялась, что ничего не знала о делах девушки, и настаивала, что не учила ее, как проклясть Матвея, ведь никто не владел подобной силой. Но ведь он видел богохульницу в своем шатре, возражали в ответ, и умер именно после ее прикосновения. Вина Фаи была очевидна. Что касалось Марфы, семья Матвея имела полное право требовать мести, и лишь заступничество других жителей – все-таки они не были родней по крови – спасло бы ее от смерти.

В суматохе никто из жителей не заметил, как окружавшие солнце облака становились все темнее. Лишь когда, подгоняемые холодным ветром, они закрыли его целиком, стало ясно, что проклятия Фаи достигли ушей богов. Небо приоб-

рело серый, как в зимнее утро, цвет. Клубящаяся над неподвижным телом девушки туча казалась почти черной.

Воздух стал тяжелым, давил на грудь и пригибал к земле, не оставляя возможности убежать. Как один, все люди упали на колени, уповая на милость к невинным со стороны бога-громовержца, умоляя не карать их за безумие одной-единственной ведьмы. Детские голоса, растерянные и напуганные, вторили отчаянным взрослым. Казалось, что во всем мире больше не осталось ни единого луча солнечного света, и даже птицы покинули его, спасаясь от надвигающейся грозы. Воцарившаяся тишина предвещала появление чего-то более страшного.

Первая молния ударила в воду недалеко от берега, с грохотом разорвав небо. Послышались крики и плач. Веки Фаи дрогнули и медленно открылись. В первое мгновение она решила, что настала ночь. Оглушительная вторая молния, опередившая первую почти на сажень, заставила ее дернуться и открыть рот в беззвучном крике от накатившей боли. По привычке она попыталась нащупать под запястьем конька, прежде чем вспомнила, что потеряла его, и тихо всхлипнула. Они с Матвеем обещали, что ни один из них больше не будет чувствовать себя одиноким, но именно это и произошло. Он оставил ее, пусть и не по своей воле, и Фая могла лишь надеяться, что там, где он оказался, он сможет видиться со своим дорогим отцом и что воспоминания об их счастье не причинят ему боли. Если, конечно, их не уничтожили.

Фая даже не сумела закричать, когда молния пронзила ее грудь в первый раз: слишком ужасным был грохот, заполнивший уши, и слишком ярким белое сияние перед глазами. Ее тело не почувствовало боли, но полностью оцепенело, словно ей одновременно сломали все до единой кости. Когда наступила тишина, она вдруг вспомнила, как смотрела на спящего Матвея в ночь перед битвой. Портрет перед ее глазами был невероятно четким и ярким. Вот бы увидеть, каким он проснулся тем утром.

Фая закрыла глаза за мгновение до того, как почувствовала новый удар. Она думала только о своем суженом.

И все исчезло.

* * *

Фая растаяла в воздухе, не оставив и следа. Люди видели своими глазами, как боги забрали оскорбившую их ведьму, и появилась надежда, что теперь им даруют прощение и гроза прекратится. Они ошибались. Всего несколько минут спустя из туч хлынул ледяной ливень. Он не прекращался весь день, нарушив все праздничные планы, а молнии оставили на дорогах глубокие трещины. Лишь молитвы уберегли дома от разрушения. Дети, хорошо знавшие Фаю, уверяли взрослых, что слышали ее плач в шуме ветра, но им строго запретили даже упоминать ее имя. Оно должно было кануть в забвение, словно девушки никогда и не существовало на свете.

Несколько недель после похорон Матвея жители деревни верили, что боги получили желанное отмщение. Животные продолжали жить, деревья давали плоды, и остаток года обещал быть урожайным. Однако в конце лета кочевники совершили новый набег, собрав еще более сильное войско – и на этот раз людям пришлось оставить деревню, чтобы спасти свои жизни, и укрыться за стенами соседей. Слух о случившемся с ныне безымянной ведьмой быстро распространился по округе, и люди поверили, что она все-таки нашла способ отомстить своим убийцам. Недаром на этот раз воевода Рокотов не сумел вернуться из боя живым. В конце концов с помощью князя территория выжженной деревни была отбита у кочевников, но ни один из жителей не пожелал туда возвращаться.

К тому моменту как капища были разрушены, а деревянные идолы под ударами палок и камней уступили место новой религии, название той деревни уже было забыто. Жившие там дети успели состариться, их праправнуки не знали другого дома. Последней, кто помнил Фаю и где все случилось, была Марфа. Ее невинность после случившегося с Матвеем доказал верховный жрец, погадав на рунах, а боги послали необычайно долгую жизнь. Ледяной свиток исчез из ее сундука в день, когда пропала Фаина. Вместо него на дне лежала горстка пепла.

Оказавшись перед узким, лишенным украшений Калиновым мостом, больше всего на свете Матвей желал несбыточного – вернуться обратно. Но ноги отказывались ему повиноваться; после смерти он мог идти лишь вперед, не задерживаясь ради скорби или сожалений. Отныне они будут его вечными спутниками в наблюдении за миром, где продолжит жить его семья. И его милая Фая. Она была сильной духом, прекрасной ликом и душой и заслуживала долгой, счастливой жизни. Он надеялся, что до того момента, как им суждено снова встретиться под огромной, больше солнца черной луной, боги будут к ней благосклонны. Пусть его сердце больше не билось, его чувства к ней не ослабнут, сколько бы времени им ни пришлось провести порознь.

Матвей всхлипнул и вытер щеки рукавом. Он и не знал, что сохранил способность плакать.

Под его ногами раздался низкий рык. Оказалось, жившее в черной реке Смородине чудовище все же не было плодом воображения верховного жреца, когда-то рассказавшего ему о загробном мире. Увидеть три головы на длинных чешуйчатых шеях Матвей не смог, хотя черная луна давала удивительно много света, зато ощутил запах пепла из пастей. Чудовище грозило спалить душу каждого, кто попытается сбежать обратно к живым. Что с ней случилось после этого, не

знал даже верховный жрец. Возможно, ее путь лежал в огненную пустыню Пекла, к грешникам и убийцам. Страх поставить под угрозу свою вечность с Фаей был единственным, что останавливало Матвея от попыток найти путь обратно.

Чего он не ожидал, так это того, что на другой стороне длинного моста, у тихого и мрачного хвойного леса его будет ждать девочка. Волосы у нее были белые, глаза черные, а белоснежную чистую рубаху украшали узоры, изображавшие облака и волны. Острые черты немного напоминали Матвею птички. Она была на несколько лет младше Фаи.

Остановившись перед девочкой, он поздоровался и спросил:

– Кто ты, раз пришла меня встретить? Уж не властительница ли Марена меняет свой облик?

– Мое имя Лебедь, – звонким голосом ответила она. – Я служу владыке Перуну и несу его волю богам и духам. Случается бывать и в мире живых, оставаясь невидимой. Кто ты, Матвей Рокотов, я знаю. Боги сочувствуют твоей печали.

Матвей посмотрел на нее с удивлением, гадая, как он мог привлечь внимание божественной вестницы. Неужто она наблюдала за битвой против кочевников и видела его поединок?

– Я знаю также, что в другом мире осталась та, что была твоим единственным счастьем. И что она сделала, чтобы спасти тебя и вернуть домой.

Глаза девочки опустились к его шее. Все его обереги ис-

чезли, за исключением одного – деревянной секиры Перуна, которую Фая дала ему перед битвой. Матвей неожиданно понял, что больше она не была такой тяжелой, как раньше.

– Ты хочешь однажды встретиться с ней снова?

Юноша недоуменно нахмурил брови. Коли Лебедь знала о нем и Фае, ответ ей уже должен был быть известен.

– Больше всего на свете.

Лебедь подняла взгляд на черную луну, словно надеялась прочесть там какое-то послание. Внезапно она шагнула вперед и сдернула оберег с его шеи.

– Что ты делаешь? – возмущенно воскликнул Матвей, даже не почувствовав боли на шее от разорвавшейся нити. Он двинулся вперед, и девочка спрятала руку за спину, качая головой. – Это дар моей Фаи, верни его!

– Послушай-ка. – Лебедь вдруг заговорила быстрее, оглянувшись по сторонам. Вокруг них не было ни души, но она выглядела встревоженной. – На земле мертвых нет места таким оберегам. Он остался у тебя, потому что так желало твое сердце, но здесь он принесет тебе беду. Поэтому я заберу его.

Матвей прищурился. Ее слова не были лишены смысла. Власть Перуна, как известно, простиралась на небесах, где царствовали солнце и белая луна. Повелительницей смерти была Марена. Ему бы не хотелось оскорблять ее. И Фая была бы на него не в обиде. Когда они встретятся, он наконец-то сможет отдать ей, что обещал, и загладит вину.

– Будь по-твоему, – сказал Матвей Лебеди.

– За этим лесом начинается Ирий, где живут души умерших и никогда не заканчивается лето. Солнце там соседствует с черной луной. Видишь гору прямо под ней? – Лебедь показала ему на острый пик за верхушками деревьев. – Там вы с ней и сможете встретиться.

Лебедь увела его от бегущей через лес дороги и пошла вдоль берега реки по узкой тропинке, держась подальше от черных вод. Матвей вглядывался в чащу, но не заметил ни диковинных растений с золотыми листьями, о которых рассказывал жрец, ни птиц с глазами-самоцветами. На первый взгляд этот лес был точно таким же, как в мире живых. Он был готов поклясться, что слышал мышинный шорох в сухих иголках и видел во мраке желтые совиные глаза. Не зная он, что был мертв, решил бы, что просто заблудился во сне.

– Иди по этой дороге и не сворачивай в чащу, как бы любопытно тебе ни было узнать, что в ней скрывается. Даже если свет угаснет, а в глубине леса зажгутся огни. Услышишь крик ворона – остановись и подожди, пока не затихнет, иначе собьешься с пути. Обойдя лес, ты увидишь дорогу, которая выведет тебя к горе. У начала дороги уже ждет тебя отец.

– Отец? – с радостью повторил Матвей, предвкушая встречу. Ему о многом нужно было рассказать. – Спасибо тебе за помощь и доброту, Лебедь, – искренне сказал он. – Да pošлют тебе боги благо.

– Иди. И никогда не забывай ту, кто однажды придет к тебе провести вместе вечность, – напутствовала его Лебедь.

– Как бы я мог? Ее имя Фаина. Фая, – улыбнулся Матвей, чувствуя, как его остановившееся сердце переполняет нежность. Перед его глазами появилось воспоминание, как она танцевала в лесу – на том же месте, где в первый раз, только теперь он и не думал скрывать своего присутствия, а она не сводила с него сияющих глаз.

Лебедь стояла и смотрела ему вслед, пока он не пересек невидимую границу и не пропал из виду. Тогда она тихо сказала:

– Не держи на меня зла за ложь, Матвей Рокотов.

Она размахнулась и бросила оберег в воды Смородины. Затем подняла руки и, обратившись в белую птицу, полетела вдоль берега вверх к беззвездному небу.

Перун находился в своих палатах между небом и землей. Оттуда ему нравилось наблюдать за сражениями и чувствовать дым священных костров, перед которыми в его честь приносили жертвы. Здесь же он вершил суд и наказывал грешников, случись ему услышать гневные речи в свой адрес.

На этот раз здесь с ним была его сестра Марена, на чьем молодом прекрасном лице воцарилось торжество, и Макошь, богиня судьбы, сосланная несколько веков назад с небес на землю. Ее присутствие в его палатах было редкостью, характерной лишь для пышных празднеств. Смертные могли иметь множество любовных связей одновременно и вступать в брак сколько угодно раз; но вот измену собственной жены

верховный бог воспринял очень серьезно.

Лебедь вернула себе человеческий облик и низко поклонилась, а затем опустились на колени перед дубовым треном. Гроза, разразившаяся по его воле, не коснулась ее, но невольно заставила пожалеть испуганных жителей деревни.

– Что увидела, что услышала? О чем поведаешь? – обратился к ней бог. – Не осмелятся больше люди порочить имя мое и других богов?

– Нет, владыка. Они познали силу твоего гнева и не подумают сомневаться в твоём могуществе, – ответила Лебедь. – Но еще я пришла поведать о горе.

– И ты тоже? Моя сестра как раз рассказывала мне историю о девчонке, нанесшей нам оскорбление в ответ на доброту и уже получившей кару. Хотя кое-кто считает, что я поспешил.

Он бросил в сторону бывшей супруги недобрый взгляд.

– Прошу тебя не гневаться и позволить мне все рассказать, – почтительным тоном ответила Лебедь. – Речь пойдет об одном из твоих потомков, что живут среди людей. Не сочти это дерзостью, мудрый владыка.

– Ты прежде никогда ни о чем не просила, – подтвердил Перун. – И истории о моих детях мне по нраву. Среди них много выдающихся воинов, храбрых и чистых сердцем.

Лебедь бросила взгляд на Макошь, чьи огромные синие глаза были полны печали. Она знала, что богиня, разглядевшая родственные души Матвея и Фаины, была потрясена

случившимся сегодня горем. Именно она тайком отправила Лебедь в царство мертвых, чтобы спасти юношу от участи раба Марены. Девочка не могла нарушить приказ, да и не желала этого делать – ей понравилось наблюдать за тем, как между Матвеем и Фаиной разгорались чувства. Душа отца Матвея сразу согласилась помочь.

– Мне придется начать с грустной вести, владыка. Госпожа Марена забрала себе воина из твоего рода, вынудив его суженую продать свою душу. Она обманула их обоих.

Марена подалась вперед, но Перун поднял ладонь, вынуждая ее замереть на месте.

– Забрала раньше времени? – Он медленно повернул голову, говоря без гнева, но с удивлением. – Снова? Я припоминаю, мы уже имели подобные разговоры в прошлом. Опять соблазнилась человеческим теплом, сестра?

– Тебе-то оно хорошо известно, – последовал вкрадчивый ответ. – Вот и мне захотелось. А что из твоего рода, так то случайность.

Перун перевел взгляд на Лебедь и кивнул, разрешая продолжить.

– О каком обмане ты говоришь? Отвечай без утайки.

Лебедь рассказала, что видела, когда наведывалась в деревню, начиная с первой встречи двух смертных в лесу и заканчивая моментом, когда Марена забрала себе облик Фаины, чтобы та никак не смогла выполнить ею же предложенные условия сделки. Макошь не сводила с духа царства мерт-

вых осуждающего взгляда, но Марена смотрела только на Лебедь.

– Юноша сопротивлялся, – напоследок добавила девочка. – Он не хотел оставлять свою милую. Она всегда с почтением относилась к богам и духам и не понимала, за что была наказана, коли сделала так, как ей велели. Я видела все, владыка: между ними была очень сильная связь, которая не разорвется даже после смерти.

– Я согласна со словами Лебеди, – добавила Макошь. Перун не удостоил ее взглядом.

– Это мы еще посмотрим, – довольно пробормотала Марена. – А девчонке пришлось поделом за дерзость. Я уже лишила ее памяти, владыка, а в царстве мертвых ее никто не узнает и не вспомнит. Отправлю в Пекло, пусть погорит вместе с другими грешниками. После сделаю постельничей для меня с мальчишкой.

– Ты решила обмануть их! – в гневе воскликнула Макошь, глядя на нее с противоположной стороны трона. – Их судьба была бы совсем иной, если бы не твое вмешательство – кое я презирала и буду презирать всегда. Такая сила чувств, как у нее, достойна лишь восхищения.

– Что тебе до нее, сестра? Я дала ей то, о чем она просила. Она научилась древнему ритуалу и возомнила, что может повелевать смертью.

– Неправда! Она отдала тебе душу, потому что верила в твою честность. Порой ты забирала людей со смертного одра

раньше срока, но никогда не решалась на такую подлость, как сейчас. Это преступление против самой судьбы. Когда-то я сочувствовала твоей одинокой участи. Но теперь вижу, что девочка права. Ты недостойна никакого почтения.

– А ты, оказывается, готова терпеть оскорбления от тех, кто так охотно принимает наши благословения? Считаешь, ни ты, ни наш владыка, ни Велес тоже недостойны почтения? – бросила в ответ Марена.

– Довольно! – прогрохотал Перун, вставая с места. Лебедь сжалась в комок, предчувствуя начало новой грозы. Бывали времена, когда слышать имя нынешнего супруга Макоши верховному богу было невыносимо.

– Приведи сюда девчонку, – приказал Перун сестре. – Хочу посмотреть. Как ее бишь...

– Фаина, мой владыка, – подсказала Лебедь.

Марена щелкнула пальцами, не убирая с лица недовольного выражения. Рядом с Лебедью появилась бледная тень той девушки, которую она видела на праздниках в деревне и у лагеря в ожидании воинов. Ее рубаха была порвана и испачкана пылью и травой, на разбитой нижней губе засохла кровь. Отрезанные волосы обрамляли лицо неровными космами. Лебедь знала, что обычно после смерти души принимали угодный для себя, чистый и опрятный облик, но, очевидно, Фаине такой возможности не дали. А может, ей и не было до того дела.

Сильнее всего поражала пустота в ее потухших глазах,

безучастно смотревших на Перуна. Их выражение не изменилось, даже когда верховный бог медленно выпрямился во весь свой огромный рост. Его кольчуга излучала сияние, отражавшееся на ее бледных щеках, а эфес длинного, шириной в три человеческие ладони меча с громовым колесом, украшенным красными самоцветами, сверкал, точно свежая кровь. Даже у Лебеди перехватило дух, а ведь посланница видела его бесчисленное множество раз. Она знала, что лишь любопытство к чарам сестры удерживало Перуна, привыкшего вызывать ужас и благоговение, от того, чтобы не уничтожить грешницу на месте.

– Видишь теперь, кого пыталась опорочить? На чью голову призывала кары? – сурово спрашивал он молчавшую Фаину, положив руку на рукоять меча. – Что же теперь? Будешь продолжать? Али склонишься передо мной, Фаина?

– На колени, – рявкнула Марена.

Фаина повиновалась, по-прежнему оставаясь бесстрашной.

– Впечатляет, – спустя время прервал молчание Перун, не отрывая от нее глаз. – Помнит лишь, что имеет чувства, а к кому испытывает их, не знает. Хорошо ты порезвилась, сестра. А ну-ка. – Он разжал кулак, и на его ладони оказался потертый деревянный конек, покрытый цветочной резьбой, с уздечкой-веревкой, чтобы надеть на тонкую руку. Лебедь упоминала его в своем рассказе. – Посмотри на меня. Что это?

Фаина долго разглядывала свой оберег, но не проявила ни малейших признаков узнавания. Тогда Перун расхохотался и бросил конька через плечо. Тот растаял в воздухе. Девушка даже не шелохнулась.

– Ну а имя Матвей ты помнишь, проклятая богохульница?

И тут Фаина не издала ни звука, и бог, качая головой, сел на трон. Его смех не смолкал. Лебедь заметила, что губы девушки слегка приоткрылись, будто попытались выговорить имя вслед за Перуном, но сжались прежде, чем он снова повернулся к ней.

– Вот, оказывается, какими могут быть люди в мое правление. Насчет связи ты сказала правду, – сообщил Перун Лебеди. – Я чувствую ее отпечаток у нее в душе даже после смерти. Сильные чувства и правда большая редкость, тем более у такого жалкого существа. Прямо-таки диковинка. Возникла у меня одна затея... но погоди. Посмотреть бы теперь на нее и на мальчишку вместе.

– Как угодно, владыка, – охотно согласилась Марена и щелкнула пальцами. Глаза Лебеди метнулись к Макоши, и богиня едва заметно улыбнулась ей, будто успокаивая.

– Он красив и полон сил. Душа светлая, добрая, – говорила Марена с хищной улыбкой. – Владеть такой мне всегда за счастье.

Когда ничего не произошло, Перун спросил с насмешкой:

– Ну? Где же твой мблodeц?

Марена застыла, глядя прямо перед собой невидящим

взглядом – мысленно она вернулась в свое царство. Лебедь наблюдала, как замешательство на ее лице сменилось удивлением, а затем злостью.

– Он... получил отцовское благословение. Отправился по пути, с которого ему уже не свернуть.

– Не свернуть? То путь перерождения души, не иначе, – уточнил Перун, и палаты в очередной раз огласил его хохот. – Единственный, над которым ты не имеешь власти! Похоже, правду говорят люди, сестра, – насильно мил не будешь. Что же ты и его сразу памяти не лишила? Думала, как увидит твою красоту, сам забудет суженую?

Перуну было известно, что его сестра старела, лишь оказываясь в мире живых весной и летом.

– Я дала девчонке оберег, который привел бы его в мой терем, – сказала Марена, но прозвучало это не так твердо, как задумывалось. – Там он бы сразу забыл про нее. И принадлежал бы только мне душой и телом.

Дух оглянулся на Фаину и зарычал:

– Ты вмешалась в мой ритуал. Что ты за создание такое? Лебедь опустила голову, подавив улыбку.

– Что ж! – Перун хлопнул в ладоши. – Путь тот неблизкий. Вот что я решил. Девчонка обещала провести вечность, служа в царстве мертвых, – так тому и быть. Память ей возвращать не будем. Но! Говоришь, живущая в людях сила достойна восхищения? – спросил он Макошь и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Я подумываю о празднике в ее честь –

и нашу, разумеется. Таким, какого покойники всех царств, что создали мои отец и дед, еще не видали.

Дух, богиня и посланница небес смотрели на него во все глаза, не пропуская ни единого слова. Фаина не отрывала взгляда от подножия трона, безразличная к своей судьбе. Голос Перуна, наслаждавшегося каждым словом, наливался силой.

– Гостями на празднике станут те из смертных, кто оказался способен на столь же сильные чувства и сохранил их после смерти. – Он махнул в сторону Фаины. – Ты, сестра, разумеется, будешь его царицей. В цари к себе выбирай из мира живых того, кто хорош положением по крови. Здесь уж нет и не будет никого выше моих детей. Пусть составляют тебе компанию на одну ночь в год, когда луна красивее всего, а потом забывают обо всем, дабы о празднике знали только мертвые. Так будет честно, не то разведется самоубийц. Тебе понадобится помощь. Лебедь я тебе отдать не смогу, не взыщи. Хорошо она мне служит и все приказы исполняет исправно.

Втайне девочка, любившая парить в облаках, облегченно вздохнула, но тут же с жалостью посмотрела на мертвую, уже зная, что услышит дальше. Мудрая Макошь, хорошо изучившая характер своего бывшего супруга, рассказала ей все наперед.

Перун продолжал:

– Фаина будет твоей посланницей и соберет гостей по тво-

им землям – беспристрастно и честно, ибо для нее не осталось ни родных, ни близких. Что для одних будет честью, для нее наказанием. Пусть вечно смотрит на то, что навсегда потеряла, раз осмелилась чернить богов.

Тут он призадумался, и это время показалось Лебеде вечностью.

– Много люди стали вести войн. С каждым месяцем все больше. Нравится мне это, но как бы они не увлеклись, не разрушив мир до основания. Скажи-ка мне, – он обратился к Макоши не повернув головы, – что видишь ты в будущем его рода?

– Он будет крепок еще многие столетия, – уверенно ответила она.

– Тогда душа, которая была упущена сегодня, однажды переродится. Иного, как другим, ей не дано: Перунов сын в семью и вернется. Тогда и посмотрим, вспомнит ли он свою *милую*, коли окажется на празднике. – Он поднял брови, намекая, что считает это интересной загадкой. – Ты уж боле не калечь девчонку, сестра. Да научи, как принарядиться, не то испортит все веселье. И полно грустить о том мальчишке – найдешь себе таких еще дюжину. Что же, складно я придумал?

– Я в восхищении, – сказала Марена, бросив презрительный взгляд на Фаину.

– Прекрасный будет праздник, – добавила Макошь.

– Чудесная задумка, мой владыка. Люди не забудут вашу

мудрость, – осмелилась вставить Лебедь.

– Значит, так тому и быть. – Перун довольно усмехнулся в бороду. Не то чтобы ему требовалось их одобрение, но услышать похвалу было приятно. – Идите. Дружина князя просит моего благословения.

Лебедь начала подниматься на ноги, успев осторожно шепнуть Фаине:

– Не теряй надежду, – прежде чем послышался голос Марены.

– Назначим праздник на весну, с началом сева, когда луна молода. После зимы всегда в моих землях становитсялюдно.

Она снова щелкнула пальцами и исчезла вместе с Фаиной.

Лебедь, пожившаяся от ее ледяного прощального взгляда, сопровождала Макошь на пути на землю.

– Как хорошо ты все придумала, госпожа! – сказала она, едва они оказались вне ока Перуна.

– Я покровительствую женщинам, дитя мое, и радуюсь за тех, кто смог обрести личное счастье, как я, и пронести его через всю жизнь. Я давно размышляла о подобном празднике, но знала, что без поддержки нашего владыки ничего не получится, – призналась Макошь. – До сих пор я верила, что Матвей и Фаина окажутся там в качестве гостей.

– Но ты увидела их встречу теперь, когда все устроено? – с любопытством спросила Лебедь.

Богиня грустно улыбнулась ей:

– Пока Матвей на пути к перерождению, я не смогу ниче-

го сказать. Душа – одно из самых удивительных творений в этом мире, сокровищница памяти и чувств, над которой ни я, ни Марена не имеем абсолютной власти, как бы нам того ни хотелось. Она будет жить, даже когда этот мир склонится к закату.

Лебедь вспомнила, как шевельнулись губы Фаины при звуке некогда знакомого имени.

– Я верю, что полностью забыть друг друга их души никогда не смогут, госпожа. Я бывала в разных землях за последние столетия и видела разных людей. Мало кого из них связывали столь же сильные чувства.

– Тогда, – ответила богиня, – все решится в весеннее полнолуние.

Настоящее время

Глава 1

Матвей Рокотов не мог поверить своей удаче.

Труд швейцарского хирурга девятнадцатого века Теодора Кохера о хирургических инфекционных болезнях, который в интернет-магазинах мог бы стоить ему совсем недешево, был втиснут на полку между «Морфологией волшебной сказки» и потрепанным изданием «Введения в психоанализ». Простав книгу, он с радостью отметил, что, несмотря на царапины на обложке и отсутствие титульного листа, текст внутри неплохо сохранился. Перспектива разбираться в дореволюционной орфографии перевода после изучения латыни Матвея совершенно не пугала.

– Кем бы вы ни были, Г. Н. Морозова, – пробормотал он, посмотрев на цену и заметив имя в посвящении на форзаце, – большое спасибо за щедрость.

Он осмотрел полки в поисках имени Якова Чистовича – вдруг нашлась бы «История первых медицинских школ в России», – но ничего не нашел. Другие книги его не интересовали.

По привычке наклонив голову, чтобы не удариться о низкий потолок, Матвей вышел из крохотной, заставлен-

ной книжными стеллажами и коробками комнаты. Ему пришлось повернуться боком, чтобы не задеть висевшие на стене коридора деревянные значки с портретами известных писателей. Когда его бывшая пациентка рассказала о магазине, где можно было найти старые и новые подержанные книги на любую тему, он представлял себе место побольше. Матвей не мог отрицать, что маленькие заведения обладали особой прелестью, но, посетив этот магазин несколько раз, он понял, что был слишком высокого роста, чтобы оценить их по достоинству.

Заплатив за книгу на кассе, он закрыл за собой тяжелую железную дверь в магазин и поднялся по лестнице во внутренний дворик старого дома на Покровке. Дождь кончился, и Матвей мог не спешить на трамвай, чтобы доехать до Чистых прудов. Идти по бульвару тоже не хотелось – на ум сразу пришли жалобы некоторых пациентов на скользкую и вечно качающуюся под ногами плитку, – поэтому Покровка выглядела более привлекательно. Он решил пойти до Ильинки, а там уже рукой было подать до переулка за Никольской улицей. Книгу в магазине он нашел раньше, чем предполагал, так что до встречи с бывшими однокурсниками мог позволить себе прогулку.

Несмотря на наличие стабильного доступа в интернет, Матвей не бросал свое увлечение старинной медицинской литературой. Ни у кого в отделении не было столь же богатой домашней библиотеки атласов, энциклопедий и старых спра-

вочников, которую он начал собирать, еще будучи школьником, и не собирался останавливаться. Подробная история разных разделов медицины, как с болезнями и травмами справлялись прошлые поколения, не имея ни нужного оборудования, ни быстрого доступа к знаниям других специалистов, – вот, что всегда представляло для него особый интерес. А читать с бумаги для разнообразия было приятно.

Он подозревал, что его увлечение началось с криминальных сериалов и исторических боевиков, которые в его детских воспоминаниях постоянно смотрел отец. Для Матвея всегда имели значение не личности преступников и героев, а то, какие травмы они получали и почему и как их можно было бы вылечить, чтобы в конце никто не умер. На четырнадцатый день рождения родители в шутку подарили ему словарь медицинских терминов, но Матвей взялся за его изучение со всей серьезностью и просил о подобных подарках на все будущие праздники. Он убедил родителей перевести его из школы в медицинский колледж и полностью посвятил себя химии, биологии и истории медицины. Его усидчивость была вознаграждена блестящими результатами на экзаменах и вступительных испытаниях. Личной жизнью ради учебы Матвей пожертвовал без сожалений: ни одна девушка не произвела на него достаточно сильного впечатления, чтобы ради развития отношений можно было отложить учебник.

Какое-то время после достижения совершеннолетия ро-

дители пытались намекать ему на брак и внуков, однако со временем сдались и признали, что он имеет право жить так, как ему хочется. Матвей отдал бы многое, чтобы еще раз услышать их голоса, даже если бы это было очередное сравнение с бывшим одноклассником. Подобное желание испытывают все, кому приходилось терять близких, и особенно сильным, переходящим в глубокое, отчаянное раскаяние оно становится, если последним разговором была ссора. Матвей пережил это сам и не пожелал бы даже злейшему врагу. Поэтому продолжал свое обучение после окончания аспирантуры, к тридцати двум годам защитив диссертацию по органосохраняющим операциям и имея место в штате Института скорой помощи имени Дьяконова⁹.

Он зашел в шумный, но уютный гастронаб за двадцать минут до назначенной встречи, когда на его телефон пришли сразу два уведомления. Матвей открыл чат, куда его добавили неделю назад, и, пробежав глазами новые сообщения, тяжело вздохнул.

– Вовремя.

Два его бывших однокурсника, ненадолго приехавших в Москву, узнали от коллег о его недавней успешной операции на сердце молодой женщины: вместе с кардиологом Матвей решился вырезать его из груди полностью для эф-

⁹ Петр Иванович Дьяконов (1855–1908) – русский врач, хирург, был одним из инициаторов съездов российских хирургов, работал с А. П. Чеховым и Н. В. Склифосовским.

фективного удаления редкой опухоли из левых отделов, и его риск оправдался. Они предложили встретиться и обменяться опытом в неформальной обстановке, и Матвей согласился. Он все равно собирался посвятить этот вечер лекции о нестандартных ситуациях в хирургической практике. И вот теперь один однокурсник оставался в отеле, потому что ему позвонили из дома по срочному делу, а второй слег с отравлением и температурой и только сейчас добрался до телефона. Заверив их, что они смогут поговорить и по видеосвязи, Матвей убрал телефон в карман и подошел к стойке, за которой висело меню навынос. Сидеть в гастропабе один он не собирался, а равиоли на ужин казались неплохим вариантом.

– Матвей Иванович! – внезапно и весело окликнули его сзади. Мужской голос был смутно знакомым. Убирая кошелек в сумку, Матвей обернулся и увидел, как из-за портьеры, очевидно скрывающей вход в банкетный зал, вышел худой, узкоплечий парень почти на десять лет его младше. Всего несколько недель назад он спас его после несчастного случая в ночном клубе, и теперь от глубокой рваной раны на боку остался лишь тонкий шрам.

– Добрый день, Лев, – вежливо ответил Матвей. Ко всем своим пациентам он обращался по имени и отчеству, но этот сам настоял на менее формальном общении.

– А вы все такой же серьезный, как я запомнил. – Лев крепко сжал его руку, глядя снизу вверх. На Матвея пахло ромом и чем-то фруктовым. – Вам тут нравится? Я-то в

подобные места не хожу, понятное дело...

Матвею показалось, он услышал от стоявшей у витрины девушки презрительное фырканье.

– ...но девушка моего друга стала тут поваром, вот и попросила приехать и подсветить в рилсах, – в подтверждение своих слов он взмахнул телефоном.

– Ясно, – коротко ответил Матвей, надеясь, что правильно его понял. О *рилсах* он узнал от одной из медсестер: так она называла короткие милые видео с котятами и другими милыми животными, которые показывала врачам между операциями. Они помогали расслабиться и поднимали настроение перед очередным вызовом.

Когда истекающего кровью парня привезли на «Скорой» посреди ночи, он не знал, что имеет дело с сыном одного из самых богатых людей Москвы. Еще на этапе восстановления Льва после операции он поразился, скольких посторонних людей в интернете волновало состояние его здоровья – и как популярны могли быть селфи с капельницами из больничных палат. Он отказался позировать для фото и видео и относился к парню так же, как к любому другому пациенту. И все же к моменту выписки Лев почему-то решил, что они стали друзьями.

– А я ведь как раз рассказывал всем о моей операции! – сообщил он, указав на портьеры. К ним как раз подошли несколько человек в куртках. Матвей не знал ни одного из них, но предполагал, что онлайн они могли быть не менее

популярны, чем сам Лев. – Только долго получается. Я так много умных слов на итальянском не знаю!

– Придурок, врачи говорят на латыни, – поправил его друг. – Надо было тебе заодно и мозг полечить.

– Так это и есть твой врач? – спросила девушка, смерив Матвея заинтересованным взглядом. Длина ее заостренных ногтей заставила удивиться, как она могла застегивать молнию на куртке – и делать что-либо вообще. – Я по твоим рассказам решила, он старше.

– Видите, Матвей Иванович, а я о чем? – беззлобно рассмехался Лев. – Все просто мечтают с вами познакомиться. У ребят столько вопросов! Пошли, выпивка за мой счет.

– Я не пью.

– Да ладно, правда? Ясно... У нас и сок есть, – не сдавался он. – Что бы вы ни заказали навынос, оно будет готовиться еще до фига долго.

Матвей обернулся к девушке за прилавком.

– К сожалению, все столики заняты. У нас очень много заказов, – чересчур вежливо сказала она, одарив его и стоявших рядом молодых людей укоризненным взглядом. – Минут двадцать ждать точно.

Матвей хотел напомнить, что совсем недавно ему сказали ждать меньше, но Лев уже тянул его за собой, убеждая, что все в порядке и что он и его друзья будут очень признательны за советы по технике безопасности от настоящего врача, ведь уже послезавтра они улетают в горы кататься на лыжах.

– Окажете услугу своим зарубежным коллегам, – шутил он.

– Скорее наоборот, – со смехом возразила девушка с длинными ногтями.

То, что Матвей считал банкетным залом, оказалось уменьшенной копией открытого – но заняла его вся компания друзей Льва. Матвей неловко растянул губы в улыбке, не ожидая, что его представят как «бомбического хирурга, который отлично зашивает кишки», но столь почетное достижение не произвело особого впечатления. Поприветствовали его только пара оказавшихся рядом человек, а сидевшие на длинном диване девушки лишь на мгновение оторвали глаза от телефонов. Отсутствие популярности в онлайн-пространстве было написано у Матвея на лице.

Ему не потребовалось много времени, чтобы пожалеть о принятом приглашении. Вопросы вроде «как быстро пройдет боль после вывиха?» или «что случится, если упадешь на лыжную палку?» звучали бы более естественно, если бы не сопровождались смехом и странными ухмылками. Казалось, чем более серьезные последствия травм описывал Матвей, тем веселее становилось вокруг. Этому явно способствовал алкоголь, который молодые люди будто доставали прямо из-под земли. Лев пытался соблазнить его дорогим коньяком, для которого ягоды собирали не иначе как по лунному календарю, и на третьей попытке Матвей не сдержался.

– Врачи не верят в астрологию и пьют коньяк, в пригото-

лении которого луна не участвует.

Стол на четверых, за которым он сидел, взорвался смехом. Матвей провел рукой по сумке, где находился ожидавший его Кохер, и уже собрался подняться с места, когда его взгляд упал на один из круглых столиков у стены. За ним сидела лишь одна девушка, которую Матвей не видел здесь до этого самого момента. Впрочем, в маленьком зале было достаточно шумно и людно, чтобы не заметить кого-то из гостей – некоторые из них даже не знали друг друга.

Девушка была достаточно близко, чтобы услышать его колкость, и ее губы изогнулись в улыбке. Свет кованых ламп над их головами окружил ее фигуру, и Матвей невольно отметил, как изумрудный цвет вязаного платья делал ярче ее зеленые глаза.

Как бы часто его отец ни говорил, что полюбил мать Матвея с первого взгляда, он никогда в это не верил. Если дело касалось любви, одних взглядов определенно было мало. Однако они могли пробудить желание узнать, не появится ли столь сильное чувство спустя время после знакомства. Матвей не помнил, когда в последний раз испытывал подобное, и тем сильнее было его удивление, что сейчас он не мог оторвать глаз от девушки. На вид ей было чуть за двадцать. Черты ее лица были красивыми и правильными. Она не нанесла макияж и была бледна, но не выглядела нездоровой и смотрела на него в ответ без смущения или недовольства.

«Может, начнешь разговор, раз сидишь и пялишься как

придурок?» – язвительно подсказал внутренний голос спустя несколько секунд, и Матвей поспешно отвел взгляд. Внезапно он обнаружил, что понятия не имеет, что бы мог сказать. Первое, что пришло ему на ум, было: «Пойдем отсюда», но звучало уж чересчур прямолинейно.

Лев продолжал бубнить что-то неразборчивое про дополнительную защиту в своем лыжном костюме. Матвей невольно вздрогнул, когда его вдруг окликнули по имени. Он ведь собирался уйти всего несколько секунд назад.

– Матвей Олегович, хватит уже пугать нас. Жить надо с удовольствием! – провозгласил один из друзей Льва (Жека? Жень?), потягивая ярко-зеленый коктейль. – Разве вы не согласны, что удовольствие продлевает жизнь?

– Но операцию все равно не заменит, да? – загоготал Лев.

– Не заменит, – сдержанно согласился Матвей, решив не поправлять его друга.

– За жизнь с удовольствием! – крикнул предполагаемый Жека, и вокруг подняли бокалы, поддержав идею нестройным хором голосов. – Веселимся, пока можем.

– Хороший тост, – раздался рядом спокойный, серьезный голос. Говорила зеленоглазая шатенка, чей бокал стоял нетронутым. – «Веселимся, пока можем». Смерть бывает непредсказуема, это в ней самое худшее. Иногда не знаешь, что случится в следующий час, не то что завтра или через неделю.

– Ну я-то знаю, что буду делать завтра, – сказал Лев, и

его друзья усмехнулись. После операции он часто жаловался, как ему пришлось отложить долгожданную поездку в горы. – Хотя кто знает – может, выйду сейчас на улицу, а на меня упадет метеорит. Или врежется гребаный электросамокат. Смерть ведь такая сволочь. Жить вообще опасно, да, Матвей Иванович?

Собственное имя в ушах Матвея сейчас прозвучало насмешливо. Он молчал, не сводя глаз с желтой субстанции в коктейле напротив. В юности он бы не раздумывая согласился со Львом, но сейчас его почти мутило от перспективы провести за издевательскими обсуждениями видов смерти еще хотя бы несколько минут. Ему случалось по-черному шутить с коллегами перед или после долгих операций, но то были люди, прекрасно осознававшие ценность каждой спасенной жизни – и совсем неважно, что именно поставило ее под угрозу.

Когда он поднял взгляд, на него смотрели только Лев и незнакомка. Первый весело, вторая – задумчиво.

– Нет, если есть время и знания, чтобы все исправить.

– Очень мудро, – засмеялся Лев и отсалютовал ему бокалом. Матвей отвел взгляд. Для серьезных разговоров о ценности жизни здесь было совсем не место.

Девушка опустила глаза и невесело усмехнулась себе под нос. Затем неожиданно встала и направилась к выходу, шагая быстро и бесшумно. Она выскользнула за портьеры в тот самый момент, когда в зал вошла официантка, державшая в

руках пластиковый пакет с контейнером.

– Кажется, это мой заказ, – заметил Матвей, едва скрывая облегчение, и поспешно вскочил на ноги. – Завтра мне на дежурство, поэтому я должен идти.

– Так вы же ничего не выпили! – возразил Лев. – Ладно, я вас провожу.

– Это лишнее.

Но парень его не слушал и уже встал на ноги, натягивая куртку. Матвей застегнул пальто и, не видя смысла с кем-то прощаться, вышел из зала. Девушки в зеленом и след простыл, и он почувствовал слабый укол разочарования. Он не знал, что бы сказал ей, но попросту не мог выбросить ее из головы. Что-то ему подсказывало, что ее ожидания от посещения этого места тоже не оправдались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.